

VIII

КАК ЭТА ПОВЕДЕНИЕ БЫЛО
ДИКОВО И КАК ЭТО БЫЛО
В ЛЮДЯХ, ДУМЕТСЯ, А КТО
ТРИСТРАМЪ

Слова

1

КНИГА
О СЭРЕ
ТРИСТРАМЕ
ЛИОНСКОМ

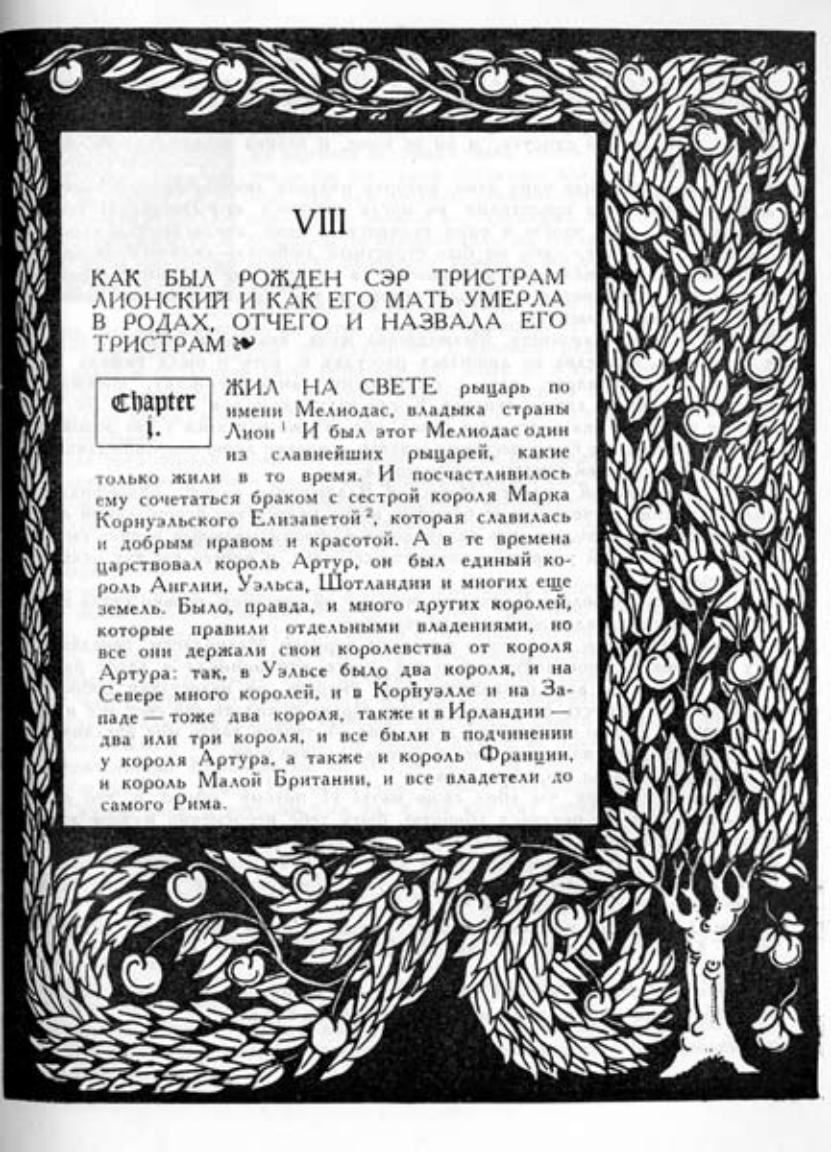

VIII

КАК БЫЛ РОЖДЕН СЭР ТРИСТРАМ
ЛИОНСКИЙ И КАК ЕГО МАТЬ УМЕРЛА
В РОДАХ, ОТЧЕГО И НАЗВАЛА ЕГО
ТРИСТРАМ

Chapter I.

ЖИЛ НА СВЕТЕ рыцарь по имени Мелиодас, владыка страны Лион¹. И был этот Мелиодас один из славнейших рыцарей, какие только жили в то время. И посчастливилось ему сочетаться браком с сестрой короля Марка Корнуэльского Елизаветой², которая славилась и добрым нравом и красотой. А в те времена царствовал король Артур, он был единый король Англии, Уэльса, Шотландии и многих еще земель. Было, правда, и много других королей, которые правили отдельными владениями, но все они держали свои королевства от короля Артура: так, в Уэльсе было два короля, и на Севере много королей, и в Корнуэлле и на Западе — тоже два короля, также и в Ирландии — два или три короля, и все были в подчинении у короля Артура, а также и король Франции, и король Малой Британии, и все владетели до самого Рима.

Вот зажла тот король Мелнодас со своей женою, и в скором времени сделалась она тяжела ребенком. А она была дама кроткая и горячо любила своего господина и супруга, и он ее тоже, и велика была радость промежу между них.

Но в том краю жила одна дама, которая издавна любила короля Мелнодаса, но никакими средствами не могла добиться его любви. И тогда устроила она так, чтобы в один прекрасный день, когда выехала король Мелнодас на охоту,—ибо он был страстный любитель гоняться за красивым зверем,—погнался он в одиночку за оленем, она заманила его так с помощью колдовства в старей замок, и там сделалась он пленником дамы, которая его любила.

Когда королева Елизавета, Мелнодасова жена, хватилась своего супруга и господина, она едва не лишилась рассудка и, хоть и была тяжела ребенком, тут же вдруг, взяв с собой одну даму-камеристку, побежала в лес разыскивать своего супруга. Когда углубилась она далеко в лес, то дальше она идти оказалась не в силах, ибо тут же начались у нее родовые муки, и много у нее было жестоных схваток, и только лишь сопровождавшая ее дама оказывала ей помощь, какую могла.

И так, по чудесной милости Небесной Владычицы нашей, разрешилась она с великими мучениями от бремени, но по недостатку вспоможения она так сильно простудилась, что охватило ее всепронизывающее велие смерти и предстояло ей умереть и покинуть сей свет, и ничего уж тут нельзя было поделать.

Когда увидела королева Елизавета, что нет ей спасения, горько стала она сетовать и так сказала своей даме-камеристке:

— Когда свидитесь вы с моим супругом королем Мелнодасом, передайте ему мой поклон, поведайте ему о тех муках, что приняла я здесь ради любви к нему, и как приходится мне умереть по недостатку доброго вспоможения; и пусть он знает, что мне горько покидать сей свет и с ним разлучаться. Молю его любить душу мою. А теперь дайте мне взглянуть на мое малое дитя, из-за которого я вкусила все это горе.

А когда она увидела его, то сказала:

— Ах, мой сыночек, ты убил свою мать! И потому думаю я, что раз в младенчестве ты оказался убийцею, быть тебе непременно мужем доблестным, когда придешь в возраст. А так как я умру, оттого что пронесла тебя на свет, то поручаю моей даме просить супруга моего и господина, короля Мелнодаса, чтобы нарек тебя при крещении Тристрам, что значит: «горестного рождения»¹.

С тем испустила королева дух и умерла. Дама положила ее под тенью большого дерева и, как могла, закутала дитя, оберегая от холода.

Тут явились бароны короля Мелнодаса, отправившиеся вдогонку за королевой. Когда же они увидели, что она мертва, а короля

КАК МАЧЕХА СЭРА ТРИСТРАМА ЗАКАЗАЛА ЯД, ДАБЫ ОТРАВИТЬ ТРИСТРАМА. Они также почитали погибшим, то имне из баронов вздумали было убить младенца, так как тогда бы им самим досталось владеть страной Лионном. Но благородная дама-камеристка своими справедливыми речами и стараниями добила того, что большинство баронов на то не согласилось. Мертвую королеву перенесли домой, и все о ней горестно убивались.

А между тем на следующее утро после смерти королевы Мерлин вывел из пелен короля Мелнодаса. И когда король возвратился домой, бароны встретили его с великой радостью, но он так убивался и оплакивал свою королеву, что язык не в силах того передать. Он похоронил ее богато, а потом устроил крестины и нарек сына, как наказала перед смертью его жена. Тристрам было дано ему имя, «горестно-рожденный».

После того король Мелнодас семь лет прожил без жены, и все это время Тристрам рос в заботе и холе. Но потом случилось так, что король Мелнодас женился на дочери Бретонского короля Хоуэлла, и она родила королю Мелнодасу детей. И стала она роптать про себя и злиться, что страна Лион не достается во владение ее детям; и для того задумала королева отравить юного Тристрама.

Вот повелела она насыпать яду в серебряный кубок и поставить в том покое, где жила вместе Тристрам и ее дети, чтобы Тристрам, как захочется ему пить, испил того зелья. Но случилось в тот день, что королевин сын, зайдя туда, увидел кубок с ядом и подумал, что, наверно, это добрый напиток; и, почувствовав жажду, взял мальчик серебряный кубок и испил зелья, и тут вдруг грудь его разорвалась, и дитя упало мертвое.

Когда узнала Мелнодасова королева про смерть своего сына, уж конечно горько было у нее на сердце, но король ничего не проведла про такое ее предательство. Королева же не отступилась, она снова повелела отменить яду и налить в кубок. Но, по случаю, король Мелнодас, ее супруг, увидел тот кубок вина, в котором был яд, и так как ему хотелось пить, он взял кубок и поднес ко рту. Но не успел он еще его пригубить, как увидела это королева. Она бросалась к нему вдруг и отняла у него из рук кубок. Король поднимался, для чего ей было так поступить, а потом вдруг припомнилась ему столь внезапная смерть ее сына, убитого ядом. И тогда он взял ее за руку и сказал:

— Коварная предательница! Признавайся, что за питье в этом кубке, не то я убью тебя!

И с тем вытащил он свой меч и поклялась великой клятвой, что убьет ее, если только не откроет она правды.

— О, смилюйтесь, господин мой! — отвечала она. — Я скажу вам все.

И она призналась ему, как хотела убить Тристрама, чтобы его королевство досталось ее детям.

— Ну, что ж,— молвила король,— за это будет тебе суд.

И вот с согласия баронов приговорена была она к сожжению. Но когда она уже должна была взойти на костер, дабы принять свою казнь, тут юный Тристрам стал на колени перед королем Меллодасом и испросила у него для себя милости, чтобы исполнил он одно его желание.

— С охотою, — отвечал король.

Тогда сказал юный Тристрам:

— Подарите мне жизнь вашей королевы, моей мачехи!

— Неправ ты в этом желании, — сказал король Меллодас, — ибо по справедливости ты должен ее ненавидеть, ведь она хотела погубить тебя ядом, и это за тебя прежде всего мною вынесен ей смертный приговор.

— Сэр, — отвечал Тристрам, — что до всего этого, то я заклинаю вас о милости, дабы вы ее простили. Я же со своей стороны прошою, и пусть бог ей простит. И раз ваше величество собогаволиши даровать мне исполнение одного желания, во имя господа заклинаю вас, сдержите слово ваше.

— Ну, коли на то пошло, — отвечал король, — я согласен подарить тебе ее жизнь, — и еще сказал: — Отдаю ее тебе, приблизься к костру, бери ее и поступай с ней, как знаешь.

И вот сэр Тристрам приблизился к костру и с соизволения короля спуск королеву от смерти. Но король Меллодас после того не ждала более с нею обидения — ни на ложе, ни за столом. Однако потом стараниями юного Тристрама произошло между королем и ею примирение. Но тогда король не позволял, чтобы юный Тристрам оставался долее при его дворе.

КАК СЭРА ТРИСТРАМА ОТПОСЛАЛИ ВО ФРАНЦИЮ, И КАК У НЕГО БЫЛ НАСТАВНИК ПО ИМЕНИ ГОВЕРНАЛ, И КАК ОН ОБУЧИЛСЯ ИГРЕ НА АРФЕ, А ТАКЖЕ СОКОЛИНОЙ И ПСОВОЙ ОХОТЕ ♣ Он призывал к себе благородного дворянина, умудренного и ученого, по имени Говернал, и с Говерналом отправил юного Тристрама во Францию для обучения тамошнему языку, обождению и бранному искусству. Там провел Тристрам более семи лет. Когда же обучился он в тех краях всему, чему только мог, он возвратился назад к отцу своему, королю Меллодасу.

Овладел он искусством игры на арфе и так успешен, что никто на свете не мог бы с ним в этом сравниться. Так в юности он посвятил себя занятиям музыкой, обучившись играть на арфе и на других музыкальных инструментах.

Позднее, когда возросла и созрела его сила, он и отдался в этом еще благородный дворянин, о котором случалось бы нам слышать из книг. Как повествуется в Книге, это он первый установил добрые правила — как трубить по разной дичи, поднятой гончими

или забитой охотниками, по крупному зверю и по малым грызунам; и все эти установления сохранились у нас и теперь. Поэтому и книга об охоте псовой и соколиной, об искусстве звериной ловитвы носит название: «Книга сэра Тристрама»⁴.

Вот почему, думается мне, все благородные джентльмены, носители старинных родовых гербов, должны по справедливости почитать сэра Тристрама за эти добрые правила, какими пользовались и пользуются благородные охотники и будут пользоваться до скончания века. Ведь по ним всякий достойный человек может отличить джентльмена от Йомена и Йомена от мужика⁵. Ибо тот, кто сам благороден, придерживается благородных правил и следует тонким обычаям джентльменов.

Так прожил Тристрам в Корнуэлле, пока не вырос высоким и сильным и не сравнялось ему восемнадцать лет. Король Меллодас не мог нарадоваться на юного Тристрама и королеву, жена его, тоже, ибо сэр Тристрам спас ее от костра, так что она никогда больше не питала к нему ненависти, но неизменно любил его и задаривала его щедрыми подарками — где бы он ни был, все его любил, и великие, и малые.

КАК ИЗ ИРЛАНДИИ ПРИБЫЛ СЭР МАРХАЛЬТ ВЗИМАТЬ С КОРНУЭЛЛА ДАТЬ, А В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ — БИТЬСЯ В ПОЕДИНКЕ ♣ Но случалось так, что король Ирландии Ангвисанс направил посольство к королю Корнуэльскому Марку за данью, которую уже много лет выплачивал ему Корнуэлл, а к тому сроку король Марк задолжал ему уже за семь лет.

И ответил король Марк и его бароны посольству Ирландскому такие слова, что платить они не будут, а пусть те возвращаются к королю Ангвисансу и скажут ему:

— Никакой дани мы ему платить не намерены, да скажите, если-де желает он добиться вечной дани от Корнуэлла, пусть придет от себя доверенного рыцаря в нашу страну, чтобы тот сразился за него, мы же тоже подберем рыцаря, чтобы нас защитил.

С тем возвратились послы в Ирландию. Услышав король Ангвисанс такой ответ на свое посольство и сильно разгневался. Он призывал к себе сэра Мархальта, который был добрым бойцом, не раз выказавшим свою доблесть, и притом рыцарем Круглого Стола. А приходился этот Мархальт братом королеве Ирландской. И сказал ему король так:

— Любезный брат, сэр Мархальт, прошу вас, отправляйтесь в Корнуэлл и сразитесь там в поединке за наше право на дань от них, которая истари нам причитается. И как бы вы при этом ни потратились, вы получите от нас еще гораздо больше на необходимых расходы.

— Сэр, — отвечал сэр Мархальт, — знайте, что за права ваши и нашего королевства и не откажусь сравниться и с самым доблестным рыцарем Круглого Стола. Ведь я их там в Корнуэлле всех знаю, и какие кто подвиги совершил, мне известно. Я же ради новых подвигов и умножения своей чести и славы готов с радостью отправиться в путь.

И вот со всей поспешностью собрали сэра Мархальта в дорогу, снарядили его всем потребным, и отбыл он из Ирландии и припал в Корнуэлл под самые стены замка Тинтагль. Узнал король Марк, что он прибыл битвы за права Ирландии, и горько опечалился прибытию славного рыцаря сэра Мархальта. Ибо не знали они в своей среде рыцаря, который осмелелся бы вступить с ним в поединок, ведь в то время сэр Мархальт почитался как один из лучших рыцарей на свете.

А сэр Мархальт не высаживался на берег, но каждый день посылал с моря к королю Марку, требуя либо заплатить дань за семь лет, либо же выступить против него рыцаря, который сразился бы с ним за право дани.

И по всему Корнуэллу было возглагошено, что если сыщется рыцарь, готовый выйти на бой, чтобы спасти Корнуэлл от дани, то получит он вознаграждение и будет жить в богатстве до конца дней своих. Однако иные из баронов говорили с королем Марком и советовали ему лучше послать ко двору короля Артура, дабы искать защиты у сэра Ланселота Озерного, который прославлен был в то время как первейший из рыцарей в свете.

Но другие бароны говорили, что это был бы напрасный труд, ибо сэр Мархальт и сам рыцарь Круглого Стола; а они не любят воевать друг с другом, разве только если какой-нибудь из этих рыцарей по своему желанию станет сражаться безымянным и неизвестным.

И потому король и все его бароны согласились, что бесполезно будет искать помощи у рыцарей Круглого Стола.

А между тем достигли и короля Мелюдаса вести и слухи о том, что сэр Мархальт ждет под самыми стенами Тинтагля, а король Марк никак не может найти рыцаря, чтобы сразился за него.

Как усмал про то юный Тристрам, то разгневался он и горько устыдился, что не нашлось в Корнуэле ни одного рыцаря, который бы отважился выйти на бой против сэра Мархальта Ирландского.

КАК СЭР ТРИСТРАМ ВЫЗВАЛСЯ НА ПОЕДИНОК ЗА КОРНУЭЛЛ, И КАК ОН БЫЛ ПОСВЯЩЕН В РЫЦАРИ Явился Тристрам к отцу своему, королю Мелюдасу, и стал спрашивать его совета: каким бы путем лучше избавить Корнуэлл от тяжелой зависимости?

— Ведь, сдается мне, — сказала Тристрам, — стыдно нам будет, если сэр Мархальт, брат ирландской королевы, так и уедет, не найдя никого, кто бы с ним сразился.

— Что до этого, — отвечал король Мелюдас, — знайте, сын мой Тристрам, что сэр Мархальт почитается одним из лучших рыцарей на свете, и потому я не знаю в нашей стране рыцаря, который мог бы помериться с ним силами.

— Увы, — сказал сэр Тристрам, — как жаль, что я не посвящен в рыцари! Но если сэр Мархальт уедет так и Ирландию, пусть никогда не сподоблюсь я от господи чести и славы! Сэр, — так сказал Тристрам, — прошу на то

вашего соизволения, чтобы отправиться мне к королю Марку. И если не сочтете вы это за обиду, от короля Марка я хотел бы принять посвящение в рыцари.

— Я с охотою даю согласие, — отвечал король Мелюдас, — на то, чтобы вы поступали так, как велит вам ваша храбрость.

Поблагодарил Тристрам своего отца и стал собираться в дорогу.

Но в это время из Франции прибыл посланный с любовными письмами к сэру Тристраму от дочери французского короля Фарамона, письма те были полны любовными жалобами, но сэра Тристрама они ничуть не радовали, ибо ему не было до нее никакого дела. И еще она прислала ему маленькую собачку, замечательно красивую. Когда же королевская дочь узнала, что Тристрам ее не любит, то она, как повествуется в Книге, умерла от горя. А тот самый паж, что привозил от нее письма и собачку, вернулся назад к сэру Тристраму, как вы еще услышите в дальнейшем повествовании.

И вот после этого юный Тристрам приехал к своему дяде, королю Марку Корнуэльскому, и как раз когда он к нему входил, услышал он речи о том, что никто из рыцарей не соглашается выступить против сэра Мархальта.

— Сэр, — молился Тристрам, — если вы возведете меня в Рыцарский Орден, я буду битвы с саром Мархальтом.

— Кто вы такой? — спросил король. — И откуда вы прибыли?

— Сэр, — отвечал Тристрам, — я прибыл от короля Мелюдаса, который некогда был женат на вашей сестре, и знайте, я и сам рождения благородного.

Поглядел король Марк на Тристрама, видит, годами он еще совсем юн, но собою очень ладен, крепок и высок.

— Любовный сэр, — сказал король, — как ваше имя и откуда вы родом?

— Сэр, мое имя — Тристрам, а родом я из страны Лион.

— Добро, — сказал король. — Если вы согласны на этот поединок, я посвящу вас в рыцари.

— Для того я и пришел к вам, — отвечал Тристрам, — и ни для какой другой причины.

И вот посвятил его король Марк в рыцари, и лишь только окончил посвящение, как сразу же послал к сэру Мархальту сказать, что сыскался юный рыцарь, готовый с ним битвы до последнего.

— Так-то оно, может, и так, — сказал сэр Мархальт. — Да только передайте королю Марку, что и не со своим стану битвы, а лишь с рыцарем королевской крови, иначе сказать, лишь с сыном короля или королевы, рожденным от принца или принцессы.

Услышав это, послал король Марк за сэрмом Тристрамом Лионским и передал ему ответ сэра Мархальта. Тогда сэр Тристрам и говорит:

— Раз уж на то пошло, пусть он знает, что я и с отцовской стороны, и с материнской родом не ниже его; ибо да будет вам теперь известно, сэр, я — сын короля Мелюдаса, рожденный вашей сестрой леди Елизаветой, что умерла в лесу, произведя меня на свет.

— Иисусе! — воскликнул король Марк. — Добро пожаловать к нам, любезный племянник!

И тогда со всею поспешностью снарядил король сэра Тристрама, дал ему коня, и сбрую, и доспехи, и оружие — все самое лучшее, что только могло быть куплено за серебро и золото. И снова послал король Марк к сэру Мархальту с известием, что с ним будет биться муж получше родом, чем он, «звать же его сэра Тристрам Лионский, рожденный от короля Меландаса сестрой короля Марка». И сэра Мархальт был доволен и рад, что ему предстоит поединок со столь высокопородным рыцарем.

И вот с соизволения короля Марка они условнились, что поединок произойдет на острове, неподалеку от того места, где стояли Мархальтовы корабли. Вот погрузили сэра Тристрама на судно, самого его и его коня, и все снаряжение, потребное для боя ему и коню его, чтобы ни в чем не было ему недостатка. И когда король Марк и его корнуальские бароны смотрели, как юный сэра Тристрам отплаывает безстрашно сражаться за Корнуэлла, не было там ни мужа честного, ни благородной дамы, которые бы не плакали при мысли, что столь юный рыцарь идет за них на смерть.

КАК СЭР ТРИСТРАМ ВЫСАДИЛСЯ НА ОСТРОВЕ, ДАБЫ ВСТУПИТЬ В ПОЕДИНОК С СЭРОМ МАРХАЛЬТОМ ♣ И вот, говоря коротко, высадился сэра Тристрам на острове, огляделся и увидел: у дальнего его конца стоит под берегом на якорю шесть кораблей, а в тени их, на берегу, дожидается благородный рыцарь сэра Мархальт Ирландский. И приказал тогда сэра Тристрам свести на берег своего коня. Оруженосец его Говернал надел на него, как надо, все доспехи, и сэра Тристрам сел на коня.

И сидя на коне во всем облачении, со щитом, висящим через плечо, спрашивает сэра Тристрам Говернала:

— А где же тот рыцарь, с которым мне надо биться?

— Сэр, — отвечал Говернал, — разве вы его не видите? Я полагаю, что вы его уже заметили, ведь он он дожидается верхом на коне в тени своего корабля с копьем в руке и со щитом на плече.

— Да, верно, — говорит сэра Тристрам. — Теперь я его вижу. И приказал он Говерналу возвратиться на судно.

— И передайте мой поклон дяде моему, королю Марку, да просите его, если погибну я в этом бою, пусть похоронит мое тело, как сочтет лучше. Что же до меня, пусть он знает, что я никогда не поддаюсь страху и не отступлю, а если я погибну, но не побегу, то не на мне будет вина в том, что им придется выплачивать ту дань. Если же я все-таки дрогну и побегу или же попрошу пощады, так и скажите моему дяде, пусть после смерти не дожидаться мне христианских похорон. Ты же, под страхом смерти, — так сказал сэра Тристрам Говерналу, — не смей приближаться к этому

острову, покуда не увидишь, что я побежден и убит, или же что я одолею того рыцаря.

С тем они расстались, горько плача.

КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ ПРОТИВ СЭРА МАРХАЛЬТА И ОДЕРЖАЛ ПОБЕДУ, И КАК СЭР МАРХАЛЬТ БЕЖАЛ К СВОЕМУ КОРАБЛЮ ♣ А сэра Мархальт увидел сэра Тристрама и сказал так:

— Юный рыцарь сэра Тристрам, зачем ты здесь? Горько я сожалею о твоей храбрости; ибо да будет тебе известно, многие благородные рыцари выжидали против меня, а лучшими рыцарями этой страны я мерился силой, но даже и лучшие рыцари мира были мне не страшны. А потому мой совет тебе: возвращайся на свой корабль.

— О славный и испытанный рыцарь, — отвечал сэра Тристрам, — да будет ведомо тебе, что я не отступлю перед тобой в этом деле, ибо ради того, чтобы биться с тобой, был я посвящен в рыцари. Знай, что я сын короля, рожденный королевой, и по просьбе моего родича, а также по собственной моей воле и дал слово биться до последнего и освободить Корнуэлла от старой дани. И еще знай, о сэра Мархальт, ведь мне лишь храбрости придает то, что тебя почитают одним из самых знаменитых рыцарей мира. Эта слава твоя громкая лишь побуждает меня к бою, ибо никогда еще я не пробовал сил в поединке с настоящим, многоопытным рыцарем. Я только сегодня получил посвящение в Рыцарский Орден, и потому я весьма радуюсь, и это для меня величайшая честь — сразиться с таким рыцарем, как ты. Знай, сэра Мархальт, что я намерен добыть себе чести твою кровью. Пусть я еще ни разу не отличился в бою — сегодня я надеюсь, по милости божьей, с честью выказать мою доблесть в сражении и навечно избавить земли Корнуэлла от всякой повинности перед Ирландией.

Выслушав сэра Мархальт все, что пожелал он сказать, а потом говорит в ответ:

— Любезный рыцарь, раз уж ты вознамерился завоевать себе чести в поединке со мною, то знай, что чество тебе уже будет, если ты выстоишь хотя бы три моих удара. Ибо да станет ведомо тебе, за мои подвиги, всем и всюду известные, сам король Артур возвел меня в рыцари Круглого Стола!

И вот выставляли они копья, ринулись друг на друга и сшиблись с такой силой, что сбили один другого наземь, и коней вместе со всадниками. Но сэра Мархальт при этом нанес сэру Тристраму копьем в бок жестокую рану.

Выпротасали они ноги на стремя, извлекли из ножен мечи и, выдвинув щиты перед собою, стали рубиться дино и неустрашимо. Долог они так рубились, покуда руки им не отказали и не стало больше у них сил взма-

хивать мечами, и тогда перестали они сечь с плеча, а принялись разнять и колоть друг друга в грудь сквозь панцирь и в лицо сквозь забрало. Но видя, что и так ни тот ни другой не могут взять верх, схватились они друг с другом врукопашную, и сцепившись, точно два матерых тура, стали валять один другого наземь.

Так, не расходясь, билась они и рубились подлня, и оба были уже столь жестоко изранены, что горячая кровь бежала по ногам их на землю. Но сэр Тристрам все ожесточался, а сэр Мархальт начал слабеть, тогда как у сэра Тристрама все прибывало сил и духа. И вот могучим ударом обрушил он свой меч на голову сэру Мархальту так, что прошел меч через гребень шлема и через стальной нагавник и рассек череп и так прочно застрял в кости, что трижды пондобилось сэру Тристраму потянуть к себе меч, прежде чем вырвал он его из головы врага.

Сэр Мархальт покачнулся, упал на колени — обломок клинка так и остался у него в черепе. Потом выпрямился он во весь рост, отбросил меч и щит от себя прочь и обратился в бегство и бежал к своим кораблям.

Сэр же Тристрам подобрал тут же его щит и меч и так крикнул ему вслед, видя, что тот убегает:

— Куда же ты, сэр рыцарь Круглого Стола? Ты позоришь себя и род свой, ведь я же рыцарь совсем еще молодой и никогда прежде не бился в поединках. Я бы, чем бегать от тебя, предпочел быть изрубленным в куски!

Но сэр Мархальт не ответил ни слова и только прегорестно стонал на ходу.

— Что ж, сэр рыцарь, — крикнул ему сэр Тристрам, — клянусь, твой меч и щит станут отныне моими. Я буду носить твой щит во всех моих странствиях, и на глазах у короля Артура, и в виду всех рыцарей Круглого Стола!

КАК СЭР МАРХАЛЬТ, ВОЗВРАТИВШИСЬ В ИРЛАНДИЮ, УМЕР ОТ РАНЫ, КОТОРУЮ НАНЕС ЕМУ СЭР ТРИСТРАМ, И О РАНЕ СЭРА ТРИСТРАМА И отбыл сэр Мархальт со своею дружиной обратно в Ирландию. Как только явился он к королю, своему брату, его раны сразу же осмотрели и обмыли, и когда обмыли ему голову, то нашли в кости обломок Тристрамова меча, но никаким лекарским искусством не удалось тот осколок извлечь. Так он и умер от Тристрамова меча, а обломок стального лезвия королева, сестра его, навсегда у себя сохранила, ибо надеялась отом-

стить, если представится случай.

Мы же теперь вновь обратимся к сэру Тристраму, который остался жестоко израненный и так сильно истек кровью, что вскоре уже не в силах был стоять на ногах. Когда же еще и холод пронизал его члены, он уже почти

не в силах был шевельнуть ни рукой, ни ногой. Опустился он тихо на холмик и сидел, истекая кровью. Но в недалгом времени прибыл туда его слуга Говернал на своем судне, а там и король со многими баронами явились торжественно за сэром Тристрамом.

Сойдя на берег, король Марк поднял сэра Тристрама на руки и вместе с сэром Динасом-Сенешалем довез его в замок Тинтагиаль; и когда обмыли и осмотрели со всем искусством его раны, уложил он его в свою постель. И при виде жестоких ран Тристрама плакал король от жалости, и с ним все его лорды.

— Да поможет мне бог, — молвил король Марк, — за все мои земан я не хочу, чтобы племянник мой умер.

Так пролежал там сэр Тристрам больше месяца, но не мог он оправиться от смертельной раны, что нанес ему в начале боя сэр Мархальт своим копьем; ибо, как рассказывает Французская Книга, наконецник того копья был отравлен и сэру Тристраму не было спасения. Горевали король Марк и все его бароны, ибо не видели спасения для сэра Тристрама. Король повелев созвать всех знахарей и лекарей, и мужчин и женщин, какие только были в том краю, но не было из них ни одного, кто сумел бы ему выздороветь.

Но вот явилась туда одна дама, очень мудрая женщина, и она прямо сказала королю Марку и сэру Тристраму и всем баронам, что он никогда не поправится, пока не попадет в ту самую страну, откуда взялся этот яд, и только там он может исцелиться, а более нигде. Так сказала женщина королю. Узнав это, король повелев снарядить для сэра Тристрама доброе судно, щедро загрузить его запасами пищи, и туда положить сэра Тристрама, и с ним сел Говернал, и взял сэр Тристрам с собой свою арфу. Так спустился его на воду, чтобы пасть под парусом в Ирландию.

И вот по воле счастливого случая, приняла он в Ирландию под самые стены того замка, где жила королева с королевой. Очувтившись у берега, сел он на своем ложе и сыграл на арфе веселую мелодию — и столь чудесной мелодии не слышивал в Ирландии ни один человек. Когда узнали об том король с королевой, что прибыл к ним недужный рыцарь, столь искусно владеющий арфой, король тут же послал за ним, повелев осмотреть его раны, а потом спросил его имя. И ответил он ему так:

— Я родом из страны Анон, мое имя Трамтрист, рану же эту я получила в поединке, сражаясь в защиту одной дамы.

— Ну, да поможет мне бог, — сказала королева Ангвисанс, — в этой стране вы получите всякое лечение, в каком будет вам нужда. Мы же совсем недавно понесли в Корнуалле потерю величайшую, какую когда-либо случилось понести королю. Там потерял я рыцаря, который был лучшим рыцарем в мире. Звали его сэр Мархальт, благороднейший рыцарь и рыцарь Круглого Стола.

И он повелевал сэру Трамтристу о том, как был убит сэр Мархальт. А сэр Трамтрист притворился, будто сочувствует королю, а ведь он сам знал, как это было, получше, чем король.

КАК СЭР ТРИСТРАМ БЫЛ ОТДАН НА ПОПЕЧЕНИЕ ИЗОЛЬДЕ ПРЕКРАСНОЙ, ДАБЫ ОНА ИСЦЕЛИЛА ЕГО РАНУ

✠ Потом, и знак великой мнaости, король поручил Трамтрнста уходу и заботе своей дочери, которая владела чудесно лекарским искусством. Она же, осмотрев его рану, нашла в ней на дне яд, и от того яда его со временем исцелила.

И тогда сэр Трамтрнст восплаал великой любовью к Изольде Прекрасной, ибо она была в то время первой красавицей изю всех дам и девиц на свете. Трамтрнст обучал ее игре на арфе, и она стала питать к нему благосклонность.

А в ту пору находился в их стране сэр Паломид-Сарацин, королем и королевой он был обласан, и каждый день являлся он к Прекрасной Изольде и приносил ей богатые дары, ибо горячо ее любил. Все это видал Трамтрнст, а он знал сэра Паломида как благороднейшего рыцаря и могучего бойца. И оттого, конечно, сэр Трамтрнст восплаал к сэру Паломиду сильной враждой, ибо от Прекрасной Изольды он узнал, что сэр Паломид намерен ради нее принять крещение. Так родилось великое соперничество между Трамтрнстом и сэром Паломидом.

А в это время как раз король Англисанс разосла по стране возгласить о великом турнире, который он давал в честь одной дамы, носившей имя Владетельницы Земель, которая была близкой сродницею королю. Кто на том турнире одержит победу, тот через четыре дня станет ее мужем и получит все ее владения. И был возгласен тот княз по всей Англии, Уэльсу и Шотландии, а также во Франции и Бретани.

И вот однажды случилось, что Прекрасная Изольда пришла к Трамтрнсту и поведала ему о том турнире. И сказал он ей в ответ:

— Прекрасная дама, я ведь совсем еще слаб, быть бы мне сейчас мертвым, когда бы не ваша доброта. Чего же, прекрасная дама, вам угодно от меня на этом турнире? Вы же знаете, госпожа моя, что я не в силах держать копье.

— Ах, Трамтрнст! — отвечала Прекрасная Изольда. — Неужели не хотите вы выступить на турнире? Ведь мне доподлинно известно, что там выступит сэр Паломид и явнт все свое воинское искусство. Вот почему, сэр Трамтрнст, я умоляю вас принять участие в турнире, ибо иначе первенство непременно достанется сэру Паломиду.

— Госпожа, что до этого, то это вполне возможно, ибо он прославленный рыцарь, я же еще рыцарь молодой, совсем недавно принявший посвящение, и, как видите, в первом же поединке, который я провел, довелось мне получить жестокую рану. Но если бы вы согласились быть моей дамой, я тогда принял бы участие в турнире, но только с одним условием: вы должны сохранить все в тайне, дабы ни одна душа не ведала о моем намерении выступить, кроме вас и тех, кому вы доверите, —

и тогда я готов ради вас подвергнуть явную мою особу опасностям турнира, пусть только сэр Паломид не знает, когда я явлюсь.

На что сказала ему Прекрасная Изольда:

— Уж вы постарайтесь, я же, — сказала Прекрасная Изольда, — измышлю способ раздобыть вам доспехи и коня по моему выбору.

— Как вы желаете, так тому и быть, — молвила сэр Трамтрнст. — Я буду к вашим услугам.

И вот в день первый турнира прибыл туда сэр Паломид с черным щитом, и столь многих рыцарей сокрушил он в поединках, что народ просто диву давался, — ибо он одолеа сэра Гавейна, Гахериса, Агравейна, Багдемгуса, Кая, Додвинаса Свиного, Саграмура Желанного, Гуинрета Низкорослого и Гриффета по прозвищу Син Божий, — всех их в тот первый день поверг сэр Паломид на землю. После того рыцари стали бояться сэра Паломида, многие называли его Рыцарем Черного Щита, так что сэр Паломид стяжал себе великую славу.

Тогда пришел король Англисанс к Трамтрнсту и спрашивает, отчего не выходит он биться в поединках?

— Сэр, — тот отвечал, — я совсем недавно был жестоко ранен и еще не решаюсь подвергаться опасностям.

Но в это время прибыл к ним тот самый паж, что некогда был послан к сэру Трнстраму дочерью короля французского, и, увидев сэра Трнстрама, пал ниц у его ног. А Изольда Прекрасная заметила, как приветствовал пажа Трамтрнста. Но сэр Трнстрам послешла на встречу пажу — а он звался Эб Достославный — и просил его ото всей души ни в коем случае не открывать его имени.

— Сэр, — отвечал Эб, — я не открою никому вашего имени, покуда вы сами мне не прикажете.

КАК СЭР ТРИСТРАМ СТАЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ НА ТУРНИРЕ В ИРЛАНДИИ И ЗАСТАВИЛ ПАЛОМИДА ЦЕЛЫЙ ГОД НЕ НОСИТЬ ДОСПЕХОВ ✠ После того спросил его сэр Трнстрам, что он делает в этих краях.

— Сэр, — тот отвечал, — я прибыл сюда с сэром Гавейном, чтобы здесь получить посвящение в рыцари, и если будет на то ваша мнaость, я хотел бы принять посвящение от ваших рук.

— Хорошо, ждите меня тайно завтра, и я на турнирном поле возведу вас в рыцари.

А у Изольды Прекрасной зародилось подозрение, что Трамтрнст — на самом деле другой человек, славный и доблестный рыцарь, и оттого она возрадовалась и восплаала к нему еще большей любовью, ибо полагала, что он — знаменитый лорд.

Вот на следующее утро сэр Паломид вновь изготавился и выехал на турнирное поле, как и в первый день, и он успел одолеа и повергнуть наземь Короля-с-Сотней-Рыцарей и короля скотов. Между тем Изольда Пре-

красная снарядила сара Трамтриста и выпустила его тайно в задние ворота, и он в белых доспехах и на белом коне выехал на турнирное поле, словно светлый ангел. Увидел его сар Паломид, наставил на сара Тристрама копьё свое, а тот на него, сшибайсь — и сар Тристрам опрокинул сара Паломида наземь.

Поднялся тут среди народа великий шум, — один толковал: «Упал сар Паломид!»; другие твердили: «Упал Рыцарь Черного Щита!» А уж Прекрасная Изольда от души радовалась. Сар же Гавейн с девятью товарищами меж собой дивились: кто бы это мог быть, повергнувший наземь сара Паломида? И ни один там не выказался вести поединку с Трамтристом, но все — от велика до мала — признали его победителем.

После того сар Тристрам посватал в рыцари Эба и велел ему выступить, и тот выказал в тот день немало мужества и доблести. С тех пор сар Эб навсегда остался при саре Тристраме.

А сар Паломид, очутившись на земле, уж конечно испытал горький стыд и как мог незаметно удалился затем с турнирного поля. Но это увидела сар Трамтрист и пустился на коне за ним послед. Он скоро настиг сара Паломида и крикнул ему, чтобы тот обернулся, ибо лучше им еще раз схватиться, прежде чем он уедет. И вот развернул коня сар Паломид, и замаяхнулись они друг на друга мечами. Но с первого же удара сар Тристрам сокрушил сара Паломида, он такой удар нанес ему по голове, что тот рухнул наземь.

Тут сказал ему сар Тристрам, чтобы он сдавался и исполнил его волю, иначе же быть ему убитым. И при виде лица его устрашился сар Паломид ударов его меча и согласился на все, чего он от него ни потребует.

— Хорошо же, — говорит сар Трамтрист. — Вот что я вам повелю: прежде всего, под страхом смерти, отступитесь от моей дамы Изольды Прекрасной и не смейте ни под каким видом более ее преследовать; а кроме того, начиная с сегодняшнего дня целый год и один день вы не должны носить никакого оружия, ни воинских доспехов. И так, каньитесь мне в этом, иначе же вы умрете!

— Увы! — молвила сар Паломид, — я опозорен навсегда!

И он покаялся во всем, чего потребовал от него сар Тристрам. А потом со слез и обиды разрезал на себе доспехи и выбросил их прочь.

Сар же Тристрам повернул назад и поехал к замку, где жила Прекрасная Изольда. По дороге повстрчалась ему девица, и она спросила у него, как ей найти сара Ланселота, завоевателя замка Плачущей Стражи? И еще она спросила сара Тристрама, кто он сам таков, ибо ей говорил, что это он сокрушил сара Паломида, от которого прежде потерпел поражение десятеро рыцарей Артура. Девица просила сара Тристрама открыть ей, кто он такой и уж не он ли и есть сар Ланселот Озерный, ибо она полагала, что кроме сара Ланселота ни одному рыцарю в мире не под силу такие подвиги.

— Да будет ведомо вам, любезная девица, что я не сар Ланселот, мне далеко до его доблести. Но все в воле божиней: господь бог может еще сделать меня столь же славным рыцарем, как и сар Ланселот.

— В таком случае, любезный рыцарь, подымите ваше забрало.

Когда же она увидела его лицо, то нашла, что красивее не случилось ей видеть мужского лица и рыцаря любезнее она не встречала. Но убедившись в том, что это не сар Ланселот, девица простилась с ним и поехала своей дорогой.

А сар Тристрам тайно подъехал к задним воротам, где дождалась его Прекрасная Изольда, и она обрадовалась его возвращению и возблагодарила господа за его воинскую удачу.

А в скором времени король с королевой и все при дворе уже догадались, что это сар Трамтрист был победителем сара Паломида, и тогда все стали почитать его еще более, нежели прежде.

КАК КОРОЛЕВА УЗНАЛА ПО МЕЧУ, ЧТО ЭТО САР ТРИСТРАМ УБИЛ ЕЕ БРАТА, И В КАКОЙ ОН ОКАЗАЛСЯ ОПАСНОСТИ

Так прожил там сар Трамтрист долго, ласкаемый королем и королевой и, в особенности, Прекрасной Изольдой.

И вот однажды королева с Прекрасной Изольдой устроила баню сару Трамтристу, и пока он там находился, королева и дочь ее Изольда обошли все его покои в отсутствие Говернала и Эба, которые прислуживали Трамтристу. Увидела королева его меч, лежащий на его ложе, и по несчастью, она извлекла меч из ножен и долго его разгадывала. Они обе любовались прекрасным мечом, но на лезвии его, в полутора футах от острия, была выщерблен большой кусок стали. И когда королева заметила эту шербину на мече, вспомнила она о том обломке меча, что застрял когда-то в черепе ее брата сара Мархальта.

— Увы! — сказала она дочери своей Прекрасной Изольде. — Это тот коварный рыцарь, который убил моего брата и твоего дядю.

Изольда при этих ее словах жестоко огорчилась, ибо любила Трамтриста, и уж она-то знала беспощадный нрав матери своей, королевы. Королева же с поспешностью удалилась к себе, раскрыва свой сундук и вынула тот обломок меча, что был извлечен из черепа сара Мархальта после его смерти. И прибежала она с этим куском стали обратно туда, где лежал меч, и когда она приложила на место тот кусок стали и железа, совпавши его края с краями шербины, как если бы была он выломан только что.

Тут сказала королева просто меч в руке своей и бросила со всех ног прямо туда, где сидел Трамтрист в бане. Так бы она и пронзила ему грудь мечом, не окажись там сара Эба — он обхватил ее руками и отнял у нее меч, иначе она пронзала бы его насквозь.

Когда же не удалось ей исполнить свою злую волю, побежала она в ярости к своему супругу королю и вскричала так:

— Ах, господни мой! — она упала перед ним на колени. — Здесь, в вашем доме, находится тот коварный рыцарь, что убил моего брата и вашего супруга — благородного рыцаря сара Мархальта!

— Кто он? — спросил король. — И где он сейчас?

— Сэр, — она отвечала, — это сэр Трамтрист, тот самый рыцарь, которого исцелила моя дочь.

— Увы! — сказала король. — Это меня весьма печалит, ибо он славный рыцарь, какого лучше не довелось мне видеть на турнирном поле. Но повелеваю вам, — так сказал король, — не поддерживать с ним никаких сношений и предоставить это дело мне.

С тем отправился король в покои сэра Трамтриста, а тот был уже у себя, и король застал его уже во всем облачении, готового сесть на коня. И увидев, что он облачен в доспехи и готов сесть в седло, сказал король так:

— Нет, Трамтрист, негоже тебе будет выступить против меня. Вот что сделаю я ради моей чести и любви к тебе, — ведь пока ты находишься при моем дворе, мне не будет чести убить тебя, и потому я позволяю тебе покинуть мой двор невредимым, но при одном условии: ты откроешь мне, кто был твой отец, и как твои имя, и признаешься, не ты ли это убил сэра Мархальта, моего брата?

КАК СЭР ТРИСТРАМ ПРОСТИЛСЯ С КОРОЛЕМ И С ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДОЙ И ПОКИНУВ ИРЛАНДИЮ, ВЕРНУЛСЯ В КОРНУЭЛЛ — Сэр, — отвечал Трамтрист, —

сейчас я расскажу вам всю правду. Мой отец — сэр Меллодас, король страны Анион, а мать мою звали Елизаветой, она была сестрой королю Корнуэльскому Марку. Моя мать умерла, родив меня, в лесу, и по этой причине она перед тем, как умереть, повелела дать мне при крещении имя Тристрам. Я же, не желая быть узанным в адеиной стороне, перевернул мое имя и назвалс я Трамтрист. Сражался же я за страну мою Корнуэлла, за дядю моего, и чтобы забыть Корнуэлла от дани, которую вы много лет с него взымали.

— И знайте, — сказал сэр Тристрам королю, —

я вышел на бой за моего дядю короля Марка и за страну мою Корнуэлла, но также и для того, чтобы добыть себе воинской чести: ибо в тот самый день, когда я бился в поединке с сэром Мархальтом, я как раз получила посвящение в рыцари, и до того никогда еще ни с одним рыцарем не вступала в поединок. И он пошел от меня живой, оставив мне щит свой да меч.

— Да поможет мне бог! — сказал король. — Мне не в чем упрекнуть вас: вы поступили, как надлежит рыцарю, ваш долг был выступить в том поединке и добыть себе чести, ибо так и полагается рыцарям. Но при всем этом, моя честь не позволяет мне долее принимать вас в моей земле, не то я вызову недовольство многих моих баронов, и жены моей и моих сорочичей.

— Сэр, — отвечал сэр Тристрам, — я благодарю вас за доброту вашу и милость, что оказывали вы мне, пока я здесь находился, и за ту великую доброту, какую явила мне госпожа моя ваша дочь. Может быть, — сказала сэр Тристрам, — оттого, что оставите меня в живых, вы еще выиграете больше, чем если бы обрекли меня на смерть, ибо, может статься, на просторах Англии я еще когда-нибудь сослужу вам службу, и вы рады будете, что оказал мне некогда милость. А кроме того, я даю слово, как есть я верный рыцарь, всегда и всюду, где бы я ни был, и в правом деле, и в неправом, оставаться слугой и рыцарем госпожи моей вашей дочери и неизменно исполнять по ее воле все, что только под силу рыцарю. И еще я прошу вашего милостивого соизволения на то, чтобы мне проститься с госпожой моей вашей дочерью и со всеми баронами и рыцарями.

— Я даю вам мое соизволение, и с охотою, — молвила король.

И отправился сэр Тристрам к Прекрасной Изольде и с нею простился. И рассказал ей при этом, кто он таков и как одна женщина ему предсказала, что он никогда не исцелится, пока не окажется в той земле, где был оставлен яд.

— Так что смерть моя была уже совсем близка, и только ваша доброта меня спасла.

— Ах, любезный рыцарь, — сказала Прекрасная Изольда, — Сколь горька мне разлука с тобою! Ибо никогда не встречала я человека, более достойного моего доброго расположения. И с тем она прегорько заплакала.

— Госпожа моя, — сказал сэр Тристрам, — помните, что мое имя — сэр Тристрам Лионский, что я сын короля и рожден королевой. И я даю вам свое верное слово, что всегда, до конца дней моей жизни, буду вашим рыцарем.

— Грамерси, — молвила Прекрасная Изольда. — Я же в ответ даю вам слово, что семь лет ни за кого не выйду замуж без вашего на то соизволения; я выйду лишь за того, за кого будет ваша воля мне выйти, и никому не стану женою, если не будет на то вашего согласия.

Тут сэр Тристрам дал ей кольцо, а она ему в обмен другое, и он простился с ней и вышел во двор к баронам.

И там он простился со всеми, от вейка до мала, и так говорил громко к ним ко всем:

— Благородные лорды, наступило мне время с вами расстаться. Если есть среди вас кто-либо, мною обиженный, претерпевший от меня оскорбление, пусть выскажет сейчас свою обиду, и перед тем, как мне уехать, я постараюсь возместить ее по моим силам. И если есть среди вас кто-либо, замысливший причинить мне зло или сказать обо мне дурное или за спиной у меня меня опозорить, пусть говорит сейчас или никогда, и я грудуго готов отстоять мою правоту, готов встретиться с ним сейчас лицом к лицу!

Но все они стояли молча — ни один среди них не промолвил ни слова. А между тем, были там рыцари из королевских родичей, из родичей сэра Мархальта, но они не отважились выступить против сэра Тристрама.

КАК СЭР ТРИСТРАМ И КОРОЛЬ МАРК РАНИЛИ ОДИН ДРУГОГО ИЗ-ЗА ЖЕНЫ ОДНОГО РЫЦАРЯ ❖ И отбыл сэр Тристрам и сел на корабль и с попутным ветром приплыл в Тинтагиаль, что в Корнуэлле. Там король Марк пребывал в здравии и благодествии, и когда ему принесли известие, что возвратился сэр Тристрам, исцеленный от своих ран, король Марк возрадовался от души, и с ним все бароны.

А спустя немного времени сэр Тристрам поехал к своему отцу, королю Мелюдасу, и там король с королевой встретил его так радушно, как только могли. Король Мелюдас и его королева щедро одарили сэра

Тристрама от своих земель и богатств. Но потом, с снисволения отца, сн возвратился ко двору короля Марка.

Там долгое время жил он в довольстве и радости, но под конец между сэром Тристрамом и королем Марком родилась ревность и вражда, ибо им обоим полюбилась одна дама, жена графа, который звался сэр Сегварид. А той даме полюбился весьма сэр Тристрам, и он ее тоже полюбил, ибо она была собой весьма прекрасна, и сэр Тристрам это отлично видел. Но когда об том проведал король Марк, он жестоко возразился, ибо королю Марку эта дама тоже была весьма по душе.

И вот случилось однажды, что дама послала карлика к сэру Тристраму, прося его, если он и вправду ее любит, чтобы он провел с ней следующую ночь.

И также наказывала она, чтобы он явился к ней не иначе как в полном вооружении, ибо ее муж был известен как доблестный рыцарь.

Сэр Тристрам отвечал карлику и сказал:

— Передайте мой поклон госпоже моей и скажите ей, что я не премину к ней явиться и буду с нею в указанный ею срок.

И с тем отбыл карлик.

Но король Марк заметил, что карлик был у сэра Тристрама с поручением от Сегваридовой жены. И тогда он послал за карликом, и когда тот явился, он заставил его силой открыть все, как и с чем был он послан к сэру Тристраму. И тот ему все открыл.

— Ну, хорошо, — сказал король Марк. — Отправляйся теперь, куда хочешь, но смотри, под страхом смерти не говори ни слова о том, что беседовал со мною.

И карлик пошел прочь, а король Марк в ту самую ночь, что назначена была у Сегваридовой жены с сэром Тристрамом, вооружился, собрался и с двумя доверенными рыцарями вышел на дорогу. И посканали они и остановились у дороги подстергать сэра Тристрама.

Вот скачет сэр Тристрам с кошем в руке. Выскочил на него вдруг король Марк и его двое рыцарей, все трое с копиями на него ударили, и король Марк нанес сэру Тристраму в грудь под соседом глубокою рану. Тут настаивил сэр Тристрам копье свое и, разогнавшись, так ударила короля Марка, что тот рухнул наземь, жестоко разбился и так и остался лежать без

чувств — немало прошло времени, прежде чем он снова пришел в себя. А сэр Тристрам бросился меж тем на одного рыцаря, потом на другого и сбих их поверг замертво на сырую землю.

КАК СЭР ТРИСТРАМ ВОЗЛЕЖАЛ С ЭТОЙ ДАМОЙ И КАК ЕЕ МУЖ БЫЛАСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ ❖ После этого поспекал сэр Тристрам, сильно раненный, к своей даме и нашел ее у задних порот, где она его поджидала, и она встретила его весьма радостно, и они заключили друг друга в объятье. Она приказала поставить коня его в лучшее стойло, а затем помогла ему снять доспехи, и потом они поужинали и, не откладывая, улеглись в постель с превеликой радостью и удовольствием. И в пылу страсти она забыла и думать о той глубокой ране, что нанес ему король Марк, и кровинкой сэр Тристрам и простыни, и одеяла, и подушки, и наволочки.

Но в скором времени явился туда ее человек и предупредил, что ее супруг и господин сэр Сегварид совсем уже близко, на расстоянии выстрела из лука. Тогда она велела сэру Тристраму скорее подыматься, и он поспешно облачился в доспехи, взял своего коня и ускакал.

А тем временем и муж ее сэр Сегварид явился домой, и заметив, что постель его вся в беспорядке, осмотрел ее при свете свечи и увидел, что в ней недавно лежал раненный рыцарь.

— А, коварная предательница! — воскликнул он. — Почему ты мне изменила?

С тем он выхватил меч и сказал:

— Если только не признаешься, кто здесь с тобой был, ты теперь же умрешь!

— Ах, господин мой, пощадите! — вскричала дама и воздела кверху ладони. — Не убивайте меня, и я вам открою, кто здесь был.

А Сегварид ей в ответ:

— Говори, да смотри только — правду!

И она со страху призналась:

— Здесь был со мной сэр Тристрам, и по пути ко мне сюда он был сильно ранен.

— А, коварная изменница! Куда же он теперь делся?

— Сэр, — отвечала она, — он облачился в доспехи и ускакал прочь, но не мог еще отъехать и полумилни.

— Что ж, отлично, — сказала Сегварид.

И он быстро облачился в доспехи, вскочил на коня и помчался в погоню за сэром Тристрамом по дороге на Тинтагиаль. И в скором времени его нагнавал. Вот окликнул он его:

— Обернись, коварный рыцарь!

И с тем ударил Сегварид сара Тристрама копьем, но вдребезги раскололось его копье, и тогда он выхватил меч и обрушил его со всей силой на сара Тристрама.

— Сэр рыцарь.— молвила сэр Тристрам,— мой совет вам: больше не замахивайтесь! Но как бы то ни было, за обиду, что я вам причинил, я готов терпеть ваши удары, сколько хватит моего терпения.

— Ну, нет,— отвечал Сегварид,— этому не бывать. Либо ты сейчас умрешь, либо я!

Тогда обняв сар Тристрам свой меч и погнав на него коня во весь опор и так рассяг ему тело до пояса, что тот замертво рухнул на землю.

А сэр Тристрам там его и оставил и поехал дальше. Он возвратился в Тинтагаль и тайно лег у себя, ибо не хотел, чтобы знали, что он ранен. Сегваридовы же люди поехали за своим хозяином и привезли его домой на его шите; и там долго он пролежал, прежде чем зажила его рана и он опять стал здоров.

Но и король Марк тоже не хотел, чтобы сделалось известно, как он ночью подкараулил и напал на сара Тристрама; а что до сара Тристрама, то он и не знал, что это был король Марк. И вот король явился к нему словно бы введать и утешить его больного. Но до конца дней своих король Марк больше уже не любил сара Тристрама. Так что с тех пор хоть и говорились ласковые речи, любви уже меж ними не было.

Так продолжалось много дней и недель, и обида, нанесенная Тристрамом, была забвета, ибо сэр Сегварид не отваживался вызвать сара Тристрама на поединок из-за его славной доблести, да еще и потому, что он приходился племянником королю. И поэтому он оставил дело так, ибо тот, кто втайне потерпел оскорбление, не хочет, чтобы позор его сделался явным.

сэр
гв.

КАК СЭР БЛЕОБЕРИС ПОТРЕБОВАЛ СЕБЕ ПРЕКРАСНЕЙШУЮ ИЗ ДАМ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ МАРКА, КАКОВУЮ И УВЕЗ, И КАК С НИМ СРАЖАЛИСЬ

И вот однажды случилось, что славный рыцарь сэр Блеоберис Ганский, родной брат сэру Блемуру Ганскому и близкий родич славного рыцаря Ланселота Озерного, этот самый сэр Блеоберис прибыл ко двору короля Марка и испросил милость у короля, чтобы король Марк исполнил одно его желание и отдал ему то, что пригласится ему у них при дворе.

Услышав такую просьбу, подвинулся король Марк, но потому что был тот рыцарем Круглого Стола и слава его была велика, он согласился исполнить, что он просит.

И тогда сказал сэр Блеоберис:

— Я желаю получить прекраснейшую даму при вашем дворе, какую назберу.

— Я теперь уже не могу вам отказать,— отвечал король Марк.— Выбериайте на свой страх.

И сэр Блеоберис как раз и выбрал Сегваридову жену, взял ее за руку и пошел с нею оттуда прочь. Он сел на коня, а ее посадил позади своего пажа, и поскакали они своей дорогой.

Когда услышал сэр Сегварид, что жену его увез рыцарь короля Артура, тут же он облачился в доспехи и поскакал в погоню, чтобы спасти свою жену.

А после отъезда сэра Блеобериса король Марк и все при его дворе негодовали на то, что тот взял и увез эту даму.

И были там дамы, которые знали о любви, что существовала между нею и сэром Тристрамом, и что сэр Тристрам был ей милее всех других рыцарей. И одна из тех дам стала носить сара Тристрама и упрекать его в трусости, говоря, что он опозорил рыцарское звание, раз у него на глазах силой увезли даму от двора его дяди. Да еще, думала она про себя, ту, с которой у него нежная любовь.

Но сэр Тристрам отвечал ей так:

— Прекрасная дама, не мое это дело — биться при таком случае в поединке, когда присутствует ее супруг и господин. Вот если бы случилось так, что ее супруга адез не было, тогда ради чести этого двора я, бы может, выступил бы ее защитником. Или если сара Сегварид достигнет неудача, я, возможно, еще побеседую с этим добрым рыцарем, прежде чем он покинет пределы нашей страны.

Но в скором времени прибыл ко двору оруженосец сэра Сегварид и возвестил, что их господин побит и ранен и уже при последнем издыхании — си хотел отбить у сэра Блеобериса свою жену, но тот его опрокинул и жестоко изранил.

Огорчился король Марк таким вестям, и с ним весь двор. Когда же сэр Тристрам об том услышал, он устыдился и горько опечалился и в тот же миг он облачился в доспехи и уселся верхом на коня своего, а Говернал, его слуга, вез за ним щит и копье.

Скачет сэр Тристрам во весь опор, а навстречу ему сэр Андрет, его родич, посланный королем Марком нагнать и привести двух рыцарей короля Артура, которые проезжали через их страну в поисках приключений.

Увидел сэр Тристрам сэра Андрета и спрашивает:

— Какие вести везете, кузен?

— Да поможет мне бог,— отвечал сэр Андрет,— хуже у меня вестей не бывало, ибо вот я по велению короля Марка отправился, чтобы привести к нему двух рыцарей короля Артура, но первый же из них двоих меня побил и боранил и даже не стал меня слушать.

— Любезный кузен,— сказал сэр Тристрам,— скажите своей дорогой, я же, если встречу их, то, быть может, еще им за вас отомщу.

И сэр Андрет поскакал дальше в Корнувал, а сэр Тристрам поехал вдогонку за теми двумя рыцарями, из коих одного звали Саграмур Желанный, другого же имя было сэр Долинас Свирепый.

КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ С ДВУМЯ РЫЦАРЯМИ КРУГЛОГО СТОЛА ♣ Вот в недалом времени увидел их сэр Тристрам впереди себя: скачут два добрых рыцаря, один другого виднее.

— Сэр,— говорит Говернал своему господину,— мой совет вам: не вступайте с ними в бой, ведь это — два прославленных рыцаря от Артурова двора.

— Что до этого,— отвечал сэр Тристрам,— то не сомневайся, в бой я с ними двумя вступаю непременно, дабы умножить мою честь и славу, ведь уже много дней как я не занимался бранным делом.

— Поступайте, как знаете,— сказала Говернал.

Тогда окликнул их вдруг сэр Тристрам и спросил, откуда они и куда направляются и что делают в этих краях. А сэр Саграмур оглядел сэра Тристрама с презрением, лишь усмехнулся его речам и, вместо ответа, его спрашивает:

— А вы, сэр, корнуальский рыцарь?

— Отчего вы это спрашиваете? — говорит сэр Тристрам.

— А оттого, что редко бывает, чтобы вы, корнуальские рыцари, являли доблесть в бранном деле,— отвечает сэр Саграмур.— Еще и двух часов не прошло, как с нами тут повстречался один из ваших корнуальских рыцарей. На словах-то он воин хоть куда, а на деле-то и оглянуться не успел — оказался на земле. И думается мне,— так сказал сэр Саграмур,— что и вам достанется тот же трофей.

— Любезные лорды,— сказал сэр Тристрам,— кто знает, быть может, я успею сумею выстоять против вас. И хотите вы того или нет, я буду с вами сражаться, ибо побитый вами рыцарь приходится мне сородичем. А потому покажите-ка себя как можете! И знайте: если только не приложите вы стараний, быть тогда вам обоим побитыми одним корнуальским рыцарем!

Как услышал сэр Додинас Свирепый такие его слова, он схватил копье и говорит:

— Сэр рыцарь, держись!

И они развлеклись и с разгону налетели друг на друга, словно гром грянул.

Копье сэра Додинаса раскололось на куски, сэр же Тристрам поразил его сильнее — он опрокинул его и сбросил наземь через круп его коня, так что тот едва шею не сломал.

Увидел сэр Саграмур, что его товарищ повергнут наземь, и подивился: что же это за рыцарь? Но тут же изготонился, выставил копье и со всей силой ринулся на сэра Тристрама, а тот на него, и сшибились они, будто гром грянул. Но при этом сэр Тристрам нанес сэру Саграмуру столь могучий удар, что и коня, и всадника сокрушил наземь, и тот, упавши, сломал себе бедро.

А сэр Тристрам тогда и говорит:

— Любезные рыцари, довольно ли с вас будет? Нет ли при дворе короля Артура рыцарей покрупче? На позор себе бесчестите вы имя рыцарей Корнуэлла, ибо, глядишь, какой-нибудь корнуальский рыцарь вас вдруг одолеет.

— Это правда,— отвечал сэр Саграмур,— и мы в этом убедились. Но прошу вас,— сказал сэр Саграмур,— откройте нам, кто вы, я требую от вас этого по имя вашей преданности и верности высокому Артуру Рыцарства.

— Вы заклиняете меня великими вещами,— сказал сэр Тристрам,— и раз вам так угодно, то знайте и помните: я — сэр Тристрам Лионский, сын короля Мелюдаса и родной племянник королю Марку.

Возрадовалась те двое рыцарей, что пришлось им встретиться с сэром Тристрамом, и стали они приглашать его к себе в товарищи.

— Нет,— отвечал им сэр Тристрам,— это невозможно, ибо я должен еще сразиться с одним из ваших рыцарей по имени сэр Блеоберис Ганский.

— Да пошлет вам бог удачи,— сказали сэр Саграмур и сэр Додинас.

И вот протрслся с ними сэр Тристрам и поехал дальше своей дорогой. Наконек, видит: впереди по долине скачет сэр Блеоберис, а с ним и Сегваридова жена едет на лошади позади его оруженосца.

КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ ЗА ДАМУ С СЭРОМ БЛЕОБЕРИСОМ И КАК ДАМЕ БЫЛО ПРЕДЛОЖЕНО ВЫБРАТЬ, С КЕМ ОНА ПОЕДЕТ ♣ Прибавил сэр Тристрам ходу и их нагонел.

И говорит сэр Тристрам:

— Стой, рыцарь Артурова двора! Отвези назад эту даму или же отдай ее мне!

— Не сделаю ни того, ни другого,— отвечал сэр Блеоберис.— Нет такого корнуальского рыцаря, которого я бы побоялся настолько, чтобы уступить ему даму.

— А что же,— спрашивает сэр Тристрам,— разве корнуальские рыцари хуже прочих? Вот как раз сегодня, мнях в трех отсюда, повстречался мне два ваших рыцаря, и, прежде чем нам расстаться, убедились они, что и в Корнуэлле сыщутся рыцари, которые им обоим ни в чем не уступят.

— Как же их звали? — спрашивает сэр Блеоберис.

— Сэр, они мне сказали, что одного из них зовут сэр Саграмур Желанный, другого же — сэр Додинас Свирепый.

— А! — сказал сэр Блеоберис.— Значит вот с кем вы повстречались! Да поможет тебе бог, это добрые рыцари и славные бойцы, и если вы их обоих одолели, значит, не иначе как и сами вы рыцарь доблестный. Но пусть вы и побил их обоих, все равно меня вы не запугаете, и вам придется сначала одолеть и меня, прежде чем вы получите эту даму.

— Тогда защищайтесь! — вскричал сэр Тристрам. И они разбежались и сшиблись с разгону, точно гром грянул, и один другого повергли наземь вместе с конями. Тогда высвободили они ноги из стремли и стали яростно рубиться мечами и свирепо, то отсюда, то оттуда, отступая и наступая, когда справа, когда слева — и так больше двух часов. И порой бросались друг на друга с такою силой, что валялись оба ничком на землю.

Но под конец отступил сэр Блеоберис Ганский на один шаг назад и сказал так:

— Повремени, благородный рыцарь, — попридержи руку и давай побеседуем.

— Говорите, что вам угодно, — отвечал сэр Тристрам, — и я, если смогу, вам отвечу.

— Сэр, — сказала Блеоберис, — я хочу знать, откуда вы родом, кто ваши родители и как ваше имя.

— Да поможет мне бог, — сказал сэр Тристрам, — я не боюсь назвать вам мое имя. Знайте же, что я сын короля Мелодаса, мать моя была сестрой королю Марку, а мое имя — сэр Тристрам Лионский, и король Марк мне родной дядя.

— Воистину, — сказал сэр Блеоберис, — я счастлив, что встретился с вами, ведь вы — тот самый рыцарь, что убил на острове рыцаря Мархальта, сражаясь с ним один на один за право Корнуэлла не платить дани. И вы же одолели доброго рыцаря сэра Паломиды на турнире в Ирландии, когда он один побил сэра Гавейна с девятью товарищами.

— Да поможет мне бог, — отвечал сэр Тристрам, — знайте, что и я в самом деле тот самый рыцарь. Ну, а теперь, когда я сказала вам, кто я, назовите и вы мне ваше имя.

— С доброй охотою. Да будет вам ведомо, что я — сэр Блеоберис Ганский, а мой брат зовется Бламур Ганский, он известен своей рыцарской доблестью. И оба мы приходимся племянниками с сестринской стороны⁸ господину нашему сэру Ланселоту Озерному, который славится как один из лучших рыцарей мира.

— Это правда, — сказал сэр Тристрам, — сэр Ланселот прославлен как не имеющий себе равных в рыцарском вежестве и в рыцарской доблести. И ради него, — сказал сэр Тристрам, — я не стану больше по моей доброй воле биться с вами, ради великой любви, что питаю я к сэру Ланселоту.

— Клянусь, — сказал сэр Блеоберис, — что и я тоже никак не хотел бы биться с вами, и раз уж вы последовали сюда за мною, чтобы отбыть у меня эту даму, я тут же и выкажу вам мое невежество и расположение. Мы поставим ее между нами двоими, и с кем она пожелает поехать: с вами или со мною, — тот пусть и увозит ее с миром.

— Я согласен, — отвечал сэр Тристрам, — ибо мне думается, она захочет оставить вас и поехать со мною.

— А мы вот сейчас увидим, — сказала сэр Блеоберис.

КАК ДАМА ПРЕНЕБРЕГЛА СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И ОСТАЛАСЬ С СЭРОМ БЛЕОБЕРИСОМ, И КАК ОНА ПОЖЕЛАЛА ВЕРНУТЬСЯ К СВОЕМУ МУЖУ. И вот, когда ее поставили между ними, она обратилась к сэру Тристраму с такими словами:

— Знай, о сэр Тристрам Лионский, что до недавнего времени ты был тем, кого я всех более на свете любила и на кого полагалась. И я думала, что ты тоже любишь меня больше, чем всех других женщин. Но когда у тебя на глазах этот рыцарь увез меня, а ты и не попытался меня спасти, но позволил, чтобы за мной поехал мой муж сэр Сегварид, — тогда я перестала верить в твою любовь. И потому теперь я отказываюсь от тебя и отныне тебя больше не люблю.

И с тем перешла она к сэру Блеоберису. Увидев такое, сильно разгневался на нее сэр Тристрам и застыдился возвращаться один ко двору. Но сэр Блеоберис сказал сэру Тристраму:

— Это ваша вина, из слов этой дамы я понял, что она изво всех рыцарей на земле всех более верила вам, вы же, как она говорит, обманули ее веру. Насильно, я знаю, никого не удержишь, но я, чем причинять вам огорчения, готов уступить ее вам, если только она согласна.

— Ну, нет, — сказала дама, — да поможет мне Иисус, я ни за что с ним не поеду, ибо он, кого я так любила и верила, что и он меня любит, оставил меня в нужде. И потому, сэр Тристрам, — так сказала она, — скажи, откуда приехал, ибо хоть ты и одолеи этого рыцаря, как тому и быть должно, однако я с тобою не поеду. Я буду просить этого рыцаря, столь любезного и благородного, чтобы прежде чем покинуть пределы этой страны, он отвез меня в обитель, где лежит мой господин сэр Сегварид.

— Да поможет мне бог, — сказала сэр Блеоберис, — пусть будет вам ведомо, добрый рыцарь сэр Тристрам, ведь это король Марк даровал мне право выбрать, что мне захочется при его дворе, и мне всего более приглянулася эта дама — хоть она и повенчана, и у нее есть супруг и господин, — однако теперь, когда я исполнил назначенный мне рыцарский подвиг, я отправляю ее назад к мужу, и в особенности из любви к вам, сэр Тристрам. А если бы она согласилась поехать с вами, я бы ее вам отдал.

— Я благодарю вас, — сказал сэр Тристрам, — Я же по ее милости впредь буду знать, каких женщин любить, каким дамам верить. Ведь будь ее супруг сэр Сегварид в отсутствии, я бы первым последовал за вами. Однако теперь, раз она меня отвергла, я уж точно буду знать, кого можно любить, на кого полагаться.

С тем простившись они и разбежались — сэр Тристрам возвратился в Тринтагиль, а сэр Блеоберис поехал в ту обитель, где лежал сэр Сегварид, страдая от тяжких ран, и там он вернул ему жену и ускакал прочь как благородный рыцарь.

И при виде жены своей утешился сэр Сегварид. А она поведала ему о том, как сэр Тристрам бился с сэром Блеоберисом в жестоком поединке и заставила того привести ее назад.

Принтис было сэру Сегвариду, что сэр Тристрам столько для него сделал: а дама повела и королю Марку, как проходил бой между сэром Тристрамом и сэром Блеоберисом.

КАК КОРОЛЬ МАРК ПОСЛАЛ СЭРА ТРИСТРАМА В ИРЛАНДИЮ ЗА ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДОЙ, И КАК ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ ОН ПРИПЛАВЛ В АНГЛИЮ ✦ И тогда король Марк задумал в сердце своем любимым способом погубить сэра Тристрама, и измыслил он про себя отправить сэра Тристрама в Ирландию со сватовством к Прекрасной Изольде. Ибо сэр Тристрам так восхвалял ее красоту и добрый нрав, что король Марк объявил о своем намерении взять ее себе в жены. И с этим поручением просил он сэра Тристрама отплыть в Ирландию. А все это было лишь затем, чтобы сэра Тристрама там убили. Но ни опасности, ни угрозы гибели не склонили сэра Тристрама отказаться от поручения, данного ему его дядей. И вот он собрался в дорогу, снарядился самым достойным образом — он взял с собою самых видных рыцарей, каких только можно было найти при дворе, в самом лучшем по обычаям тогдашних времен обличии.

Вот сел сэр Тристрам со своей дружиной на корабль и вышел в море. Но в открытом море разразилась вдруг буря и пригнала их обратно к берегу Англии. Прибыло их под самые стены Камелота, и не было меры их радости, когда удалось им причалить. Вышли они на берег, сэры Тристрам тут же разбил шатер на Камелотской земле, и повесил на шатер свой щит.

В тот же день проезжали там двое рыцарей короля Артура: один был сэры Эктор Окраниный, а другой — сэры Морганор. Эти двое ударили в щит и стали вызывать его, чтобы вышел он из шатра и сразился с ними, если он пожелает.

— Сейчас получите ответ, — отозвался сэры Тристрам, — лишь чуть-чуть поремените.

Он изготовился к бою и сначала сбил наземь сэра Эктора, а вслед за ним и сэра Морганора — обоих одним копьем, и они жестоко разбились. И, лежа на земле, стали они спрашивать, кто он таков и рыцарь какой страны.

— Любезные лорды, — отвечал сэры Тристрам, — да будет вам известно, что я из Корнуэлла.

— Увы! — сказал сэры Эктор. — Позор мне, что меня одолев корнуэльский рыцарь!

И в сердцах сэры Эктор сорвал с себя доспехи, отбросил их прочь и пошел пешком, не желая садиться на коня.

КАК ИРЛАНДСКИЙ КОРОЛЬ АНГВИСАНС БЫЛ ПРИЗВАН КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА ЗА ИЗМЕНУ ✦ А как раз случилось, что братья сэры Блеоберис Ганский и сэры Бламур Ганский в это время передали от короля Артура наказ королю Ирландии Ангвисансу явиться к Артуру во дворе под страхом лишения королевской милости — если в тот самый день, услаженный и назначенный, он не явится, то потеряет король Ирландии все свои земли. Но в тот день случилось так, что ни сам король Артур, ни сэры Ланселот не могли присутствовать на суде, ибо король Артур был с сэром Ланселотом в замке Веселая Стража. И потому король Артур назначил короля Карадоса и короля скоттов быть в тот день судьями.

И вот когда съехались короли в Камелот, король Ангвисанс Ирландский явился, дабы увидеть своих обвинителей. И выступил против него сэры Бламур Ганский и обвинил ирландского короля в измене — что он предательски убил у себя при дворе их сородича. Король от таких речей совсем смеялся, ибо до того как он прибыл в Камелот, он и не знал даже, что за причина была королю Артуру за ним посылать.

Но выслушав все, что тот против него пожелал сказать, король понял, что много ему пути нет, как только ответить на обвинения по-рыцарски. Ибо в те времена была такой обычай, что вскрик, кого обвиняли в измене или убийстве, должен был сразиться за свою правоту один на один или же найти другого рыцаря, который бы за него сразился. А убийства в те времена почитались за измену.

И потому, узнав, каковы возведенные на него обвинения, король Ангвисанс пал духом, ибо он знал, что сэры Бламур Ганский — рыцарь доблестный. Но долго думать об ответе ему было нечего. Судьи назначили ему явиться с ответом на третий день. А покуда он отбыл в свои покои.

В один из этих дней проезжала мимо Тристрамова шатра дама, горько о чем-то убиваясь.

— Что с вами? — спросил ее сэры Тристрам, — отчего вы так убиваетесь?

— Ах, любезный рыцарь! — отвечала дама. — Если какой-нибудь благородный рыцарь мне не поможет, я опозорена! Одна знатная дама послала меня отвезти в дар сэру Ланселоту прекрасный щит, богато украшенный, но неподалеку отсюда мне повстречался какой-то рыцарь, он сбросил меня с лошади и отнял у меня щит.

— Ну, что ж, госпожа моя, — сказал сэры Тристрам, — уж хотя бы ради господина моего сэра Ланселота я добуду вам этот щит, или же буду побежден в поединке.

С тем сел сэры Тристрам на коня и спрашивает даму, в какую сторону поспаскал тот рыцарь. Она указала ему, и он помычал вдогонку. В недолгом времени нагнал он рыцаря и потребовал от него, чтобы он воротился назад и отдал даме щит.

Сэр III.

КАК СЭР ТРИСТРАМ ЗАЩИТИЛ ПАЖА ОТ РЫЦАРЯ И КАК ГОВЕРНАЛ РАСКАЗАЛ ЕМУ ПРО КОРОЛЯ АНГВИСАНСА. Но рыцарь тотчас же поворотил коня и изготовился к бою, и тогда сэр Тристрам нанес ему мечом такой удар, что он покатылся на землю, и после этого он сдался сэру Тристраму.

— Ах, так? Тогда поезжай назад и возврати щит даме! — сказала сэр Тристрам.

И тот послушно сел на своего коня и поскакал рядом с сэром Тристрамом, а сэр Тристрам по дороге спрашивает, как его имя.

— Сэр, — тот отвечал, — я зовусь Брюс Безжалостный.

А возвратив даме щит, он сказал:

— Сэр, этим все поправлено.

И тогда сэр Тристрам его отпустил, о чем впоследствии горько раскаялся, ибо тот был заклятым врагом многим добрым рыцарям Артура двора.

Вскоре после того пришел к нему в шатер слуга его Говернал и рассказал о приезде короля Ангвисанса Ирландского и о том, что он попал в беду; и рассказал он ему, как тот был призван ко двору и обвинен в убийстве.

— Да поможет мне бог, — молвил сэр Тристрам, — это лучшая весть, какую я слышала за последние семь лет. Ибо теперь королю Ирландии будет нужна в моей помощи. Ведь я думаю, едва ли найдется в этой стране рыцарь, не принадлежащий к Артурову двору, который отважился бы вступить в поединок с сэром Бламуром Ганским. Я же, чтобы завоевать любовь короля Ирландии, возьму этот поединок на себя. И потому поручаю тебе, Говернал, отправляйся к королю и это ему передай.

Вот явился Говернал к королю Ангвисансу Ирландскому и приветствовал его с глубоким почтением. Король принял его радушно и спрашивает, зачем он пожаловал.

— Сэр, — тот отвечает, — здесь неподалеку находится один рыцарь, который желает побеседовать с вами. Он поручил мне сказать вам, что его меч и вашим услугам.

— Что же это за рыцарь? — спрашивает король.

— Сэр, это — сэр Тристрам Лионский, он за милости, которые вы ему оказывали в вашей стране, готов отплатить вам здесь.

— Пойдем же, добрый человек, — сказал король, — сведи меня сей же час с сэром Тристрамом.

Сел король на низкорослую лошадь и лишь с малейшей свитой подъехал к Тристрамову шатру. Увидев короля, сэр Тристрам выбежал к нему навстречу и хотел поддержать его стремя, но король поспешил соскочить с лошади, и они крепко обнялись.

— Благодарнейший господин мой, — сказал сэр Тристрам, — и благодарно вас за милости и ласки, что оказывали вы мне в вашей стране! Ведь я еще

тогда дал слово сослужить вам службу, если когда-либо это будет в моей власти.

— Ах, любезный рыцарь, — сказал король сэру Тристраму, — сейчас мне как раз великая нужда в вашей службе, никогда еще ни от кого так не нуждался я в помощи.

— А что так, господин мой?

— Я сейчас вам объясню, — отвечал король, — Я вызван на суд из моей страны держать ответ за одного рыцаря, который приходится родичем славному рыцарю сэру Ланселоту. И за него сэр Бламур Ганский, брат сэра Блеобериса, вызвал меня сразиться с ним или найти взамен себя другого рыцаря. Я же отлично знаю, — сказала король, — что все те, в ком течет кровь короля Бана, как сэр Ланселот и эти двое, все они рыцари искуснейшие и могучие, и выиграть бой у них труднее, чем у любого другого рыцаря из ныне живущих.

— Сэр, — сказал сэр Тристрам, — за то доброе расположение, что вы оказывали мне в Ирландии, и ради госпожи моей вашей дочери Изоолды Прекрасной, я возьму на себя этот поединок, но с двумя условиями: поклянись мне, что правда на вашей стороне и не с вашего позволения убьет тот рыцарь; и еще, сэр, — так продолжал сэр Тристрам, — после поединка, если по милости божьей и одержу победу, вы в награду отдадите мне то, о чем я вас попрошу.

— Да поможет мне бог, — отвечал король, — вы получите, что ни попросите.

Сэр III.

КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ ЗА СЭРА АНГВИСАНСА И ПОБЕДИЛ ЕГО ПРОТИВНИКА И КАК ПРОТИВНИК НЕ ХОТЕЛ СДАВАТЬСЯ. — Добро, — сказала сэр Тристрам, — А теперь дайте им ответ, что ваш рыцарь готов к бою, ибо я скорее умру, защищая вас, чем уступлю и сдамся.

— Я не сомневался в вас, — сказал король, — что вы, если пришлось бы, сразились бы и с сэром Ланселотом Озерным.

— Что до сэра Ланселота, то он славится как лучший и благороднейший из рыцарей в мире, и уж гонечно рыцари одной с ним крови — достойные мужи и страшатся лишь одного позора. А что до сэра Блеобериса, который приходится братом сэру Бламуру, то с ним я сражался, и потому, клянусь головой, мне не зазорно назвать его добрым рыцарем.

— Сэр, говорят, — сказал король, — что сэр Бламур из них двоих сильнейший.

— Что до этого, то хотя бы и так! Будь он даже лучшим из рыцарей, ясящих щит и копье, все равно я не откажусь от поединка.

С тем отправился король Ангвисанс к королю Карадосу и остальным, кто посажены были в тот раз судьями, и обвинил им, что нашел рыцаря, готового за него сразиться. Тогда, по велению королей, послали за сэром Бламуром Ганским и за сэром Тристрамом Лионским, дабы при них огласить

условия поединка, и когда они оба явились пред судьями, там собралось в это время множество королей и баронов, и когда увидели они сэра Тристана, то много о нем было толков, ведь он убил сэра Мархалята, доброго рыцаря, и одолев другого доброго рыцаря — сэра Паломида.

Вот провозглашен был поединок, и разошлись они готовиться к бою.

И сказал сэр Блеоберис брату своему сэру Бламуру:

— Любезный и милый брат,— так сказал он,— помните о том, какого мы рода и кто таков сэр Ланселот Озерный, которому мы приходимся с братниной стороны ни много ни мало как родными племянниками. Никогда еще никто в нашем роду не терпел посрамления в бою, и потому, брат, лучше примите смерть, чем позор!

— Брат,— отвечал сэр Бламур,— не сомневайтесь по мне, я не опозорю мой род. Правда, тот рыцарь, как мне известно, почитается одним из лучших, как какие живут теперь на свете, но все равно я ему не сдамся и не произнесу ненавистных слов. Может статься, что он повергнет меня наземь своею рыцарской мощью,— тогда пусть он меня убивает, я пощады не попрошу.

— Бог да пошлет вам удачу,— сказал сэр Блеоберис,— ибо вы увидите, что он — самый могучий рыцарь изо всех, с кем вам приходилось сражаться. Уж я-то знаю, я сам бился с ним в поединке.

— Да поможет мне бог! — сказал сэр Бламур.

И с тем слес он на коня в одном конце поля, а сэр Тристан — на другом, и они, выставив и уперев копыта, сшиблись с разгона, точно гром грянул, и сэр Тристан, через великую свою мощь, сокрушил сэра Бламура наземь вместе с конем.

Но сэр Бламур тут же высвободил ноги из стремя, вытащил меч и, выдвинув шит перед собою, крикнул сэру Тристану, чтобы он спешился.

— Ибо хоть конь мой меня не выдержал, даст бог, земля выдержит!

Тогда и сэр Тристан спешился и изготовился к бою, и стали они рубиться яростно, нападая, уклоняясь и нанося множество жестоких ударов, так что все короли и бароны только диву давались, откуда у них силы выстоять такое, ибо они бился, как безумные. Никогда еще до сей поры не видано было, чтобы два рыцаря рубились отчаяннее. Сэр Бламур нападал с таким пылом, что не оставалось и минуты дух перевести, и дивиться можно было, как это у них еще хватает сил держаться на ногах. Вокруг же, там, где они сражались, вся земля была залита кровью. Но вот под конец сэр Тристан навес сэру Бламуру по шлему такой удар, что тот так и повалился на бок, сэр же Тристан стоял недвижно, глядя на него.

КАК СЭР БЛАМУР ЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ ТРИСТРАМ УБИЛ ЕГО, И КАК СЭР ТРИСТРАМ СОХРАНИЛ ЕМУ ЖИЗНЬ И КАК ОНИ ЗАКЛЮЧИЛИ УГОВОР ♣ И вот, собравшись с силами, сэр Бламур заговорил и сказал так:

— Сэр Тристан Лионский, прошу тебя, как есть ты благородный рыцарь и лучший боец, какого случилось мне встретить, убей меня, ибо я не хочу

жить, даже если б сделал меня владыкой всей земли. Лучше пусть я умру здесь с честью, чем мне жить в позоре. И потому, сэр Тристан, придется тебе меня убить, иначе ты не выйдешь победителем, ибо я никогда не произнесу ненавистных слов и не попрошу пощады. Так что, ради, если смеешь, убей меня, я требую!

Когда услышал сэр Тристан его столь рыцарственные речи, не знал он в сердце своем, как ему с ним поступить. Помня, какой он кровин и с отцовской, и с материнской стороны, и из любви к сэру Ланселоту, он не хотел его убивать. И однако же, ему не было иного выбора, как только заставить его произнести те ненавистные слова, либо же убить его.

И вот сэр Тристан отошел назад и подступил к королям, вершившим суд. И там он преклонил перед ними колена и заклинал их ради их чести и преданности королю Артуру, и ради сэра Ланселота, взять решение в свои руки.

— Ибо, любезные лорды,— сказал сэр Тристан,— достойно всякой жалости и позорно было бы, если бы вон тот благородный рыцарь, что лежит там, был убит, потому что, вы сами слышали, позора он принять не желает. И бог да не попустит, чтобы смерть или позор пришел к нему от меня. Что же до короля, за которого и сражаюсь, то у него я, как я есть его верный рыцарь и защитник, испрошу пощады для этого рыцаря.

— Да поможет мне бог,— сказала королю Англиканс,— ради вас, сэр Тристан, я согласен поступить, как вы желаете, и я готов от души просить королей, вершущих ныне суд, чтобы они взяли решение в свои руки. Тогда короли, их судьишше, призвали сэра Блеобериса и спросили его совета.

— Лорды,— отвечал сэр Блеоберис,— хоть брат мой и оказался повержен и побежден силой оружия, все же, я знаю, сокрушив его тело, духа его сэр Тристан не сокрушил; и позора, благодарение господу, он ныне не потерпел. И чем быть ему опозоренным, я требую,— сказала сэр Блеоберис,— пусть лучше сэр Тристан его убьет!

— Не бывать этому! — сказали короли.— Ведь оба его противника: и король, и его рыцарь,— сказали над сэром Бламуром за его рыцарственное благородство.

— Лорды,— сказал сэр Блеоберис,— пусть будет по-вашему.

Тогда судьи призвали короля Ирландии, и он оказался в добром расположении и сговорчив. И тогда, по всеобщему решению, сэр Тристан и сэр Блеоберис подняли с земли сэра Бламура, и обоих братьев склонили к примирению с королем Англикансом, и они поцеловались и заключили меж собой дружбу навеки. После этого поцеловались и сэр Тристан с сэром Бламуром, и они оба поклялись, что ни тот ни другой из братьев никогда не будет воевать с сэром Тристаном, и сэр Тристан дал им такую же клятву. И за тот рыцарственный поединок все в роду сэра Ланселота всегда любил сэра Тристана.

А после того король Англиканс и сэр Тристан со всеми простились и отпавали в Ирландию с великой торжественностью и весельем. Когда же они прибыли в Ирландию, то король повелевал оповестить по всей стране, что сделал для него сэр Тристан и как это было. И тогда королева и все ос-

такие приняли его с превеликим почтением. Но радость, с какой встретила сэра Тристрама Прекрасная Изольда, не выразить человеческим языком, ибо она любила его больше, чем кого-либо на свете.

КАК СЭР ТРИСТРАМ ПРОСИЛ ПРЕКРАСНУЮ ИЗОЛЬДУ ДЛЯ КОРОЛЯ МАРКА И КАК СЭР ТРИСТРАМ И ИЗОЛЬДА ИСПИЛИ ЛЮБОВНОГО НАПИТКА ♣ И вот однажды король Ангвисанс спрашивает сэра Тристрама, отчего он не просит обещанного ему дара. А сэр Тристрам отвечает:

— Да, сейчас настало время. Сэр, вот все, чего и желаю: отдайте мне вашу дочь Изольду Прекрасную, не для меня самого, но для моего дяди, короля Марка, который хочет взять ее в жены, а я дал ему в этом слово.

— Увы! — сказал король. — Я бы отдал все земли, какими владею, чтобы только вы сами на ней женились.

— Сэр, сделай и это, и я буду опозорен на всю жизнь, что оказался неверен своему слову. И поэтому, — сказала сэр Тристрам, — призываю и вас исполнить обещание, которое вы мне дали, ибо таково мое желание: отдайте мне Прекрасную

Изольду, чтобы она поехала вместе со мной в Корнуэла и стала там женой короля Марка, моего дяди.

— Что до этого, — сказал король Ангвисанс, — то вы ее получите и вольны будете с ней поступить как захотите. То есть, если вы захотите сами на ней жениться, мне это более всего по душе, ну, а отдадите дяде вашему королю Марку — выбор ваш.

И вот, заключаая кратко, Изольду Прекрасную собрали в путь — память вместе с сэром Тристрамом. Вместе с нею отправилась дама Брангвейна главнейшей ее камеристкой и еще многие служанки; это королева, мать Изольды, послала с нею даму Брангвейну.

И еще она и Говернал повезли с собой от королевы напиток, который она им наказала дать королю Марку в самый день свадьбы, чтобы он выпил за Прекрасную Изольду.

— А уж тогда, — так говорила им королева, — они оба будут любить друг друга до конца их дней.

Так был поручен этот напиток даме Брангвейне и Говерналу.

Так отплыл сэр Тристрам от берегов Ирландии, и с ним Прекрасная Изольда. И вот как-то, когда находились они в каюте, случилось, что оба они почувствовали жажду. И видят, стоит подле них золотой фиаг, а в нем, на вкус и на вид, благородное вино. Взял сэр Тристрам в руку тот фиаг и говорит:

— Госпожа Изольда, вот доброе вино, которое ваша служанка дама Брангвейна и Говернал, мой слуга, держат для себя.

И они оба весело рассмеялись, и испили оба вдоволь того напитка друг за друга, и показало им, что никогда еще не отведали они такого доброго и сладкого вина. Но с первого же глотка они полюбили друг друга такой любовью, какая не кончается никогда, ни в радости, ни в горе. Вот как возникла между сэром Тристрамом и Прекрасной Изольдой любовь, которая продолжалась до конца дней их жизни.

Так палили они, пока, по воле случая, не приплыли к берегу под стенами замка, который звался Замок Риданий, и туда они вошли, чтобы передохнуть, ожидая найти там удобный полог.

Но едва только сэр Тристрам вошел в ворота замка, как все они оказались пленниками, ибо в этом замке был такой обычай, что всякий, кто проезжает мимо вместе с дамой, обязан сразиться с хозяином замка по имени сэр Брюнор. И если победителем окажется этот Брюнор, тогда мимоезжий рыцарь и его дама должны быть убиты, кто бы такие они не были. Если же мимоезжий рыцарь возьмет верх над сэром Брюнором, то тогда тот должен умереть, и его дама тоже. И уже много лет держался у них этот обычай, оттого и замок тот именовался Замок Риданий.

КАК СЭР ТРИСТРАМ И ИЗОЛЬДА БЫЛИ В ТЕМНИЦЕ И КАК ОН БЫЛАСЯ ЗА ЕЕ КРАСОТУ И ОТРУБИЛ ГОЛОВУ ДРУГОЙ ДАМЕ ♣ И вот когда сэр Тристрам с Прекрасной Изольдой очутились в темнице, пришел к ним туда какой-то рыцарь с дамой, чтобы их развлекал беседой. Сэр же Тристрам так сказала

этому рыцарю и даме:

— Для какой причины владелец этого замка держит нас в заточении? Ибо ни в одном месте, где уважается честь, не приходилось мне встречать такого обычая, чтобы рыцаря с дамой, попросивших приюта, сначала принял, а потом этих же гостей своих хватала и бросала в темницу.

— Сэр, — отвечал рыцарь, — таков старинный обычай этого замка, чтобы всякий приезжий рыцарь непременно сразился с нашим господином.

И кто окажется слабейшим, тому голову долой. А после того, если дама, что с ним приехала, окажется собою безобразнее, чем супруга нашего господина, то и ей отсекут голову долой. Если же она превосходит красотой нашу госпожу, тогда лишится головы владельца этого замка.

— Да поможет мне бог, — сказал сэр Тристрам, — это безобразный обычай и постыдный. Но на моей стороне одно преимущество. — сказал сэр Тристрам, — моя дама собой уж во всяком случае хороша, и она-то по недостатку красоты не лишится головам. Я же, чем лишится головы, лучше буду битвы за свою голову в честном поединке. Сэр рыцарь и вы, прекрасная дама, прошу вас, передайте вашему господину, что завтра с утра я буду готов к бою за себя и за мою даму, если только мне дадут коня моего и доспехи.

— Сэр,— отвечал рыцарь,— обещаю вам, что ваше желание будет исполнено, а потому вы покуда ложитесь на покой, завтра же поднимитесь пораньше и будьте готовы, и вы, и ваша дама, ибо вам ни в чем, что вам требуется, не будет недостатка.

И с тем он вышел, а назавтра, рано поутру, этот же самый рыцарь явился к сэру Тристраму и вывел его с его дамой на волю, вручил ему коня и доспехи, его собственные, и наказал ему готовиться к бою, ибо все сословия и обитатели того герцогства уже собрались на поле наблюдать поединок и суд. И вот явился сэр Брюнор, герцог того замка, и он вел за руку свою даму. И спросил он сэра Тристрама, где его спутница.

— Ибо если твоя дама прекраснее собою, нежели моя, тогда бери свой меч и отсеки моей даме голову. Если же моя дама прекраснее твоей, тогда и должен буду отсечь своим мечом голову твоей даме. И если я одолею тебя, значит, быть твоей даме моею, ты же лишишься головы.

— Сэр,— отвечал сэр Тристрам,— это безобразный обычай и ужасный, и чем лишишься головы моей даме, пусть лучше отсекут голову мне.

— Ну, нет! — сказал сэр Брюнор.— Дамы предстанут вместе на суд правды, и одна из них получит, что ей причитается.

— Нет, я не согласен,— отвечал сэр Тристрам,— ибо здесь нет никого, кто мог бы судить по справедливости. Я-то знаю,— сказал сэр Тристрам,— что моя дама прекраснее твоей, и готов доказать это в честном бою. А кто не поверит, пусть рискнет своей головой!

И с тем сэр Тристрам вывел вперед Прекрасную Изольду и трижды обошел с нею по кругу, держа в руке обнаженный меч. Так же и сэр Брюнор обошел трижды со своей дамой. Но когда сэр Брюнор увидел Прекрасную Изольду, он понял, что никогда в жизни не встречал он дамы прекраснее, и подумалось ему, что не иначе как быть его даме без головы. И все, кто там присутствовали, высказали суждение, что из двух дам Прекрасная Изольда лицом красивее и станом стройнее.

— Ну, так как же? — говорит сэр Тристрам.— Мне жаль, что этой даме предстоит лишиться головы. Но за то, что ты и она завели этот злой обычай, за то, что по вашей с нею вине погибло много добрых рыцарей и прекрасных дам,— из-за этого всего невелика будет потеря убить вас обоих.

— Да поможет мне бог,— сказал сэр Брюнор.— Ибо, правду сказать, твоя дама прекраснее моей, хоть мне и обидно это признавать, но я слышу, что и народ весь потихоньку так говорит, ибо изю всех женщин, мне известных, ни одна не была столь хороша. И потому, если ты убьешь мою даму, тем лучше: я, без сомнения, убью тебя и твою даму возьму себе.

— Ну, ее придется тебе сначала у меня отвоевать,— отвечал сэр Тристрам.— И достанется она тебе, поверь, недешево. А за этот твой суд, что угрожал моей даме, окажись она из двух безобразнее, и за злой ваш обычай отдавай-ка сюда твою даму,— сказал сэр Тристрам.

И с тем сэр Тристрам шагнул к нему, взял его даму и одним косям ударом отсекал ей голову прочь.

— Ну, что ж, рыцарь,— говорит сэр Брюнор,— этим ты причинил мне страшное оскорбление. Теперь садись на коня, и раз уж я остался без дамы, и отвоюю даму у тебя, если смогу.

КАК СЭР ТРИСТРАМ БИЛСЯ С СЭРОМ БРЮНОРОМ И ПОД КОНЕЦ ОТСЕК ЕМУ ГОЛОВУ. Вот сели они на коней, сблизись с разгоном, точно был гром грянул, и сэр Тристрам сбросил сэра Брюнора долой с коня. Но тот быстро вскочил на ноги, и, как раз когда сэр Тристрам снова на него наехал, пронзил сбоку его коня насквозь у плеча, конь повалился, споткнулся и рухнул наземь мертвым. А сэр Брюнор бросился вперед, чтобы убить повергнутого сэра Тристрама, но сэр Тристрам был скор и резв и успел высвободить ноги из стремян. И все же, прежде чем сэр Тристрам успел загордиться щитом и обнажить меч, сэр Брюнор нанес ему три или четыре удара.

Потом ринулись они друг на друга, словно два вепря, то отступая, то насаждая со всей мощью и с тонким искусством, и рубились, как два настоящих рыцаря-богатыря, ибо этот сэр Брюнор был боец многоопытный и погубил уже к тому времени немало добрых рыцарей, так что сожаления было достойно, что он так зажался на этом свете. Так бились они, наступая то сюда, то оттуда, без малого два часа, и оба уже были жестоко изранены. Но под конец сэр Брюнор набежал на сэра Тристрама и схватил его в свои объятия, ибо он очень полагался на свою силу. А на самом деле в те времена сильнейшим из рыцарей был сэр Тристрам, ибо всем известно было, что мощью мышц он превосходил даже сэра Ланселота, хотя у сэра Ланселота зато было мощнее дыхание. И потому сэр Тристрам взял и отшвырнул сэра Брюнора прочь, тот упал ничком, и тогда сэр Тристрам распутал завязки его шлема и отрубил ему голову.

Тут все, кто принадлежал к тому замку, приблизились к нему и поклонились, признавая его своим властелином, и просили пожить немного в их замке, чтобы искоренить тот мерзкий обычай. И сэр Тристрам согласился. А между тем один из рыцарей посккал к сэру Галахальту, Высокородному Принцу, который был сном сэра Брюнора и доблестным рыцарем, и повелал ему о плачевной судьбе, постигшей отца его и его мать.

И приехал туда сэр Галахальт, а с ним Король-с-Сотней-Рыцарей, и вывадил сэр Галахальт сэра Тристрама сразиться с ним один на один. И вот изголодались они оба к бою и выехали на поле с великой храбростью.

Пустили они коней и сблизись с такой силой, что оба рухнули наземь, и кони и всадники. И тогда, высвободившись из седел, они как доблестные рыцари заслонились щитами и обнажили мечи и ярости и гнева и стали рубиться, нанося один другому ужасные удары. Они то рубили, то кололи, всадились, приседали, наступали, отступали, как должно доблестным рыцарям. Так сражались они долго, едва не подлая, и оба были уже жестоко изранены. Но под конец стала возрастать Тристрамова сила и prowess, он удвоил свои удары и начал теснить сэра Галахальта то справа, то слева, так что тому уже вовсе плохо пришлось и он был близок к гибели.

Но тут выехал на поле Король-с-Сотней-Рыцарей и всей своей дружиной устремился со свежими силами на сэра Тристрама. Но когда увидел сэр Тристрам, как они скачут на него, он понял, что против них ему не высто-

ить, и тогда как благородный и разумный воин обратился он к сэру Галахальту, Высокорядному Принцу, и сказал так:

— Сэр, вы не по-рыцарски со мной поступаете, позволяя всем вашим людям напасть на меня одного. А ведь вы казались мне благородным рыцарем. Позор же вам!

— Да поможет мне бог, — отвечал Галахальт, — тут уж ничего не поделаешь: придется тебе либо сдаться мне в плен, либо погибнуть, сэр Тристрам!

— Сэр, раз уж так, то я предпочту сдаться, чем погибнуть, ибо этим я уступаю силе твоих людей, а не доблести твоих рук.

КАК СЭР ГАЛАХАЛЬТ БИЛСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОКОРИЛСЯ И ОБЕЩАЛ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К ЛАНСЕЛОТУ ✪ И с тем сэр Тристрам взял меч свой за самое острое, а рукоять вложил в руку Галахальту, но тут как раз прискакал Король-с-Сотней-Рыцарей и хотел было наброситься на сэра Тристрама.

— Назад! — приказал сэр Галахальт. — Умерьте свою храбрость и не трогайте его, ибо этому рыцарю я только что даровал жизнь.

— Позор вам! — отвечал король. — Ведь он убил вашего отца и вашу мать.

— Что до этого, — сказал сэр Галахальт, — то я его сильно винить не могу, ибо мой отец держал его в темнице и принудил к поединку. И был у

моего отца обычай, который был бычаем позорным, чтобы какой рыцарь с дамой ни попросит у него пристанища, у того дама должна погибнуть, если только она красотою не превзойдет мою мать; и самого рыцаря, если отец его одолеет, тоже ожидала смерть. Воистину, обычай такие и нравы позорны, чтобы рыцарь, ищущий пристанища, находил столь скверный прием. Из-за этого обычая я и близко не подезжал к их замку.

— Да поможет мне бог, — сказал король, — это и правда позорный обычай.

— Истинно, — сказал сэр Галахальт, — и мне так думается. И еще думается мне, предельной жалости было бы достойней, если бы этот рыцарь погиб, ибо он, по моему суждению, благороднейший из ныне живущих рыцарей. Не считая сэра Ланселота Озерного.

— А теперь, любезный рыцарь, — сказал сэр Галахальт, — откройте мне ваше имя и откуда вы и куда направляетесь?

— Сэр, — тот отвечал, — мое имя сэр Тристрам Анонский, я был послан королем Марком Корнуэльским с поручением к королю Ирландии Англинсансу, чтобы получить его дочь королю Марку в жены. Она здесь со мной, готовая ехать в Корнуэлл, зовут же ее — Изольда Прекрасная.

Тогда сказал сэр Галахальт сэру Тристраму:

— Да существует вам удача в наших краях! Если вы дадите мне слово явиться к сэру Ланселоту и находиться при нем, я отпущу вас и вашу прекрасную даму с вами, куда вы пожелаете. Я же обещаю вам, что никогда

более, пока я жив, не возобновится в здешнем замке обычай, какой существовал здесь доныне.

— Сэр, — отвечал Тристрам, — да будет вам ведомо, что я принял вас за сэра Ланселота Озерного и оттого вас испугался. Я даю вам обещание, сэр, — так сказал Тристрам, — что найду сэра Ланселота и заключу с ним дружбу, ибо знаю всех рыцарей на свете его дружба мне всего желаннее.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ КАРАДОСОМ, УВОЗИВШИМ СЭРА ГАВЕЙНА, И О СПАСЕНИИ СЭРА ГАВЕЙНА ✪ И вот, когда подошло время, сэр Тристрам с ними простился и снова пустился в путь по морю.

А между тем, пришла весть, что сэр Карадос, могучий король, отлучившийся силой исполнения, сражался с сэром Гавейном и нанес ему такие удары, что тот прямо в седле лишился чувств. А он тогда взял его за ворот, вытащил его из седла и, спутав веревкой, привязал к луке своего седла и поскакал с ним к своему замку. Но по дороге как раз случилось сэру Карадосу повстречать сэра Ланселота, и тот сразу же признал сэра Гавейна и связанным рыцарем, что лежал у того поперек седла.

— А, это вы! — сказал сэр Ланселот сэру Гавейну. — Как дела?

— Хуже не было, — отвечал сэр Гавейн, — Вот разве только вы мне поможете. Ибо, да поможет мне бог, если вы меня не спасете, я не знаю другого, кто смог бы меня спасти, кроме вас и сэра сэра Тристрама.

И от этих слов сэра Гавейна грустно стало сэру Ланселоту. Крикнул он сэру Карадосу:

— Опусть на землю этого рыцаря и сразись со мной!

— Ты просто гаупец, — отвечал сэр Карадос, — ведь я же и с тобой точно так же разделяюсь.

— Что до этого, — сказал сэр Ланселот, — то давай, нападай не жалея сил, ибо предупреждаю, что я тебя щадить не буду.

Связал сэр Карадос сэра Гавейна по рукам и ногам и так швырнул на землю, а потом взял у своего оруженосца копьё и отъехал от сэра Ланселота для разгона. Вот сшибались они и обломали оба копыя по рукоятки. Тогда они обменяли мечи и рубились верхами более часа. Но под конец сэр Ланселот нанес сэру Карадосу такой удар по шлему, что проломил ему череп. А тогда сэр Ланселот схватил сэра Карадоса за ворот, стянул его под ноги своего коня, сам спешился, стащил с него шлем и отсек ему голову. После этого сэр Ланселот развязал сэра Гавейна.

Этот самый рассказ и достиг ушей сэра Галахальта и сэра Тристрама. И сказал сэр Галахальт:

— Вот видите, какая слава осеняет сэра Ланселота.

— Увы! — сказал сэр Тристрам. — Не будь я занят сейчас тем, что сопровождает эту прекрасную даму, право, я бы тут же отправился в путь и не остановился, пока бы не разискал сэра Ланселота.

И с тем отплыл сэр Тристрам и Прекрасная Изольда и прибыл в Корнуэлл, а там их вышам встречать все бароны.

О СВАДЬБЕ КОРОЛЯ МАРКА И ПРЕКРАСНОЙ ИЗОЛЬДЫ И О БРАНГВЕЙНЕ, ЕЕ СЛУЖАНКЕ, И О ПАЛОМИДЕ ♣ В недалеком времени состоялась пышная королевская свадьба, но все равно, как повествует Французская Книга, сэр Тристрам и Прекрасная Изольда продолжали всегда любить друг друга.

На свадебных торжествах был устроен большой турнир с поединками, и много лордов и дам явилось туда, но изо всех отличился особо сэр Тристрам. И продолжалось это празднество много дней.

Когда же окончились торжества, то по прошествии недалекого времени две дамы, приближенные королевы, сговорились между собой по ненависти своей и завистничеству погубить даму Брангвейну⁹, которая была прислужницей и камеристкой Изольды Прекрасной. Ее послали в лес собирать целебные травы, а там схватили и, спутав по рукам и ногам, оставили привязанной к дереву. И так она там пробыла три дня и три ночи. Но, по счастливому случаю, ее там нашел сэр Паломид, он спас даму Брангвейну от смерти и отвез в ближайшую монашескую обитель.

Когда же королева Изольда хватилась своей служанки, уж конечно, она так убивалась, как ни одна королева на свете. Ибо изо всех женщин на земле она больше и сильнее всех любила ее, ведь она приехала вместе с нею из ее родной страны. И вот как-то однажды гуляла королева Изольда по лесу, ища избавления от своих печальных мыслей. Она подошла одна к ручью, села на берегу и стала горько плакать и стонать. Вдруг вышел к ней из чащи сэр Паломид, который слышал все ее жалобы, и говорит ей: — Госпожа Изольда, если вы пообещаете исполнить мое желание, я верну вам даму Брангвейну, живую и невредимую.

Королева так обрадовалась, что, не подумав, тут же согласилась.

— Хорошо, госпожа моя, — сказал сэр Паломид, — я верю вашему слову, и если вы подождете меня здесь всего полчаса, я вам ее приведу.

— Сэр, я вас жду, — сказала королева.

А сэр Паломид поскакал к обители монахинь и скоро возвратился с дамой Брангвейной. Правда она своей волей не хотела возвращаться к королеве, ибо из-за нее едва не лишилась жизни. Но однако же, наполювину против воли, она прибыла с сэром Паломидом к королеве, и когда королева ее увидела, то очень обрадовалась.

— А теперь, госпожа моя, — сказала сэр Паломид, — не забудьте и вы ваше обещание, ибо я свое обещание выполнил.

— Сэр Паломид, — отвечала королева, — я не знаю, чего вы у меня попросите, но да будет вам известно, что хоть я и дала вам слово, не оговаривая, ничего дурного я в виду не имела и дурного, знаете, не сделала.

— Госпожа, — сказал сэр Паломид, — мое желание останется пока для вас неизвестным. Но перед королем, вашим супругом, вы его узнаете и тогда должны будете его исполнить, как обещали.

Королева поскакала домой к королю, и сэр Паломид поскакал вместе с нею, и когда сэр Паломид явился пред королем, он сказал так:

— Государь, и требую от тебя, как еСТЬ ты справедливый король, чтобы рассудил ты нас справедливым судом.

— Открой мне, в чем дело, — отвечал король, — и все будет по справедливости.

КАК ПАЛОМИД ПОТРЕБОВАЛ СЕБЕ КОРОЛЕВУ ИЗОЛЬДУ И КАК ЛАМБЕГУС ПОСКАКАЛ ВОСЛЕД СПАСАТЬ ЕЕ И ОБ ИЗБАВЛЕНИИ ИЗОЛЬДЫ ♣ — Сэр, — сказал сэр Паломид, — я пообещал вашей королеве, госпоже моей даме Изольде, что верну ей пропавшую у нее даму Брангвейну, но на том условии, что она исполнит мое желание, какое я у нее испрошу, и она, не жалючи, не раздумывая, прямо согласилась.

— Что скажете вы, мой супруга? — спросил король.

— Все это так, как он говорит, да помогите мне бог! Правду сказать, — молвила королева, — я посулилась исполнить любое его желание от радости и счастья, что увижу ее.

— Ну, что же, госпожа моя, — сказала король, — если вы так поспешили обещать, что исполните его желание, я хочу, чтобы вы свое слово сдержали.

Тогда сэр Паломид сказал:

— Знайте же, что я желаю получить вашу королеву, дабы я мог увезти ее с собой хоть на край света.

Молча выслушав его король, задумался. И вскинула он о сэре Тристраме, и понадеялся, что он спасет королеву. И тот же час дал он сэру Паломиду такой ответ:

— Бери се себе, а с нею и все беды, которые за этим последуют, ибо, думаете мне, недолго ты будешь наслаждаться ее обществом.

— Ну, что до этого, — отвечал сэр Паломид, — то я готов встретить любую беду и любую опасность.

И вот, говоря коротко, сэр Паломид взял королеву за руку и сказал:

— Госпожа, не побрезгайте последовать за мною, ведь я ничего от вас не желаю, кроме лишь того, что вы сами мне обещали.

— Ну, что до этого, — отвечала королева, — то знай, что я не слишком боюсь последовать за тобою, хотя ты и воспользовался нечестно моим обе-

шаннем, ибо я твердо верю, что буду достойным образом избавлена от тебя.

— Что до этого, — сказал сэр Паломид, — то будь что будет.

И вот королеву Изольду подсадили на коня позади сэра Паломиды, и она с ним уехала. А король тот же час послал за сэром Тристрамом, но его нигде не могли найти, ибо он был в лесу на охоте. Ведь таков был его вседневный обычай — если он не воевал, то проводил время среди лесов в охоте и ловитве.

— Увы! — сказал король, — теперь я навеки опозарен, ибо с моего собственного согласия будет погублена супруга моя и королева.

Но тут выступила вперед рыцарь по имени Ламбегус, один из рыцарей сэра Тристрама.

— Господни мой! — так сказал этот рыцарь. — Раз вы такие надежды возлагали на господина моего сэра Тристрама, знайте, что ради него я готов отправиться вдогонку королеве и спасти ее, либо же претерпеть поражение. — Грамерси! — отвечал король. — Буду жив, я вас за это отблагодарю. Вот сражился сэр Ламбегус, сел на коня и поспежал за ними во весь опор и в недолгое время их нагнал. Тут оставил сэр Паломид королеву и обращается к нему:

— Кто ты таков? — спрашивает, — ты не сэр ли Тристрам?

— Нет, — отвечает тот, — я служу ему, а имя мое — сэр Ламбегус.

— Это жаль, — говорит сэр Паломид, — я предпочел, чтобы ты был сэром Тристрамом.

— Верю тебе, — отвечает сэр Ламбегус. — Да только когда встретишься ты с сэром Тристрамом, то хлопот не оберешься!

Тут ринулись они друг на друга и поломали оба свои копья, а тогда обнажили они мечи и посекли друг на друге и шлемы, и панцири. Но под конец нанес сэр Паломид сэру Ламбегусу такую рану, что тот замертво повалился на землю. Тогда оглянулся он, ищет Прекрасную Изольду, а ее нет, и куда она ушла, он не знает. Опечалился сэр Паломид так горько, как никогда в жизни!

А королева бежала в лес, и там набрела она на ручей и в нем решила утопиться. Но, по воле доброго случая, ехал как раз мимо рыцарь из близлежащего замка, а звался он сэр Адтерп. И когда он увидел королеву в беде, он ее спас и привез к себе в замок. Узнав же, кто она такая, он вооружился, сел на коня и сказал, что едет отомстить сэру Паломиду.

Долго скакал он, пока не съехался с сэром Паломидом, и там в поединке сэр Паломид его жестоко изранил и силой заставил его признаться, что за причину ему была искать с ним бой. И тот открыл ему, что отвез королеву Изольду Прекрасную в свой замок.

— Ах так! Вези меня туда, — приказал сэр Паломид, — а не то умрешь от моей руки!

— Сэр, — отвечал сэр Адтерп, — я столь тяжело изранен, что не в силах сам ехать. Но вы скажите вот этой дорогой, и она приведет вас к замку, в котором находится королева.

Поскакал сэр Паломид и приехал к замку. Но Прекрасная Изольда увидела его из окна и приказала запереть накрепко ворота: Тогда сэр Паломид,

увидев, что нет ему въезда в замок, снял с коня своего седло и сбрую и пустил его пастись, а сам уселся на землю у ворот, словно безумец, не делаящий что творит.

КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОЕХАЛ ЗА ПАЛОМИДОМ И КАК НАШЕЛ ЕГО И БИЛСЯ С НИМ И ПО СЛОВУ ИЗОЛЬДЫ ПОЕДИНОК БЫЛ ПРЕКРАЩЕН. А теперь мы обратимся к сэру Тристраму, который, когда возвратился с охоты и узнал, что Прекрасная Изольда увезена сэром Паломидом, уж конечно разгневался безмерно.

— Увы! — молвил сэр Тристрам. — Позор мне! И он позвал к себе слугу своего Говернала и сказал:

— Скорее помоги мне облачиться в доспехи и сесть на коня, ибо я хорошо знаю, что сэр Ламбегус не столь силен и крепок, чтобы выстоять против сэра Паломиды! Увы! Почему не я на его месте!

Он с поспешностью был снаряжен и сел на коня и поспежал по лесу во весь опор и в недолгое время нашел своего рыцаря сэра Ламбегуса чуть живым от раны. Он отнес его к лесинку и поручил ему ходить и смотреть за ним. А сам поспежал дальше и встретил сэра Адтерпа, жестоко израненного, и тот поведал ему все, как он не дал королеве утопиться и как ради нее въехал на бой с сэром Паломидом.

— Где же моя госпожа? — спросил сэр Тристрам.

— Сэр, — отвечал рыцарь, — нет сомнений, что она в моем замке, и там она может продержаться сколько угодно.

— Грамерси, — сказал сэр Тристрам, — за твою доброту.

И он поспежал дальше и подъехал к замку. А сэр Паломид там сидел у ворот, и хотя видел приближение сэра Тристрама, но остался недвижим, словно бы во сне, конь же его пасся поблизости.

— Ступай, Говернал, — сказал сэр Тристрам, — разбуди его и скажи, чтобы готовился к бою.

Говернал к нему подъехал и говорит:

— Сэр Паломид! Встань и возьмишь за оружие!

Но тот так глубоко задумался, что не услышал слов Говернала. Тогда Говернал возвратился к сэру Тристраму и сказал ему, что сэр Паломид либо крепко спит, либо сошел с ума.

— Поседай к нему опять, — говорит сэр Тристрам, — и скажи ему, чтобы он встал, ибо здесь перед ним — я, его смертельный враг.

Говернал к нему подошел, опустил на плечо ему рукоять копья и сказал:

— Сэр Паломид, готовься к бою, ибо знай, вон там подкидывает тебя сэр Тристрам, он прислал меня тебе сказать, что он — твой смертельный враг. Тут вдруг сэр Паломид молча вскочил, поймал коня своего, не промолвив

ни слова, скоро его оседала и, легко вскочив в седло, подхватила копые. Наставил они оба копыя, сшиблись друг с другом, и сэр Тристрам сразу же перекинул сэра Паломиды наземь через круп его коня. Но сэр Паломиды тут же загорюлдился щитом и вытаскил меч из ножен.

И началась тут между ними богатирский бой, ибо и тот и другой рубились предобластно. — они оба бились за одну даму. Она же все это время находилась на стене и следила за их беспримерным боем. И были они оба изранены жестоко, но раны сэра Паломиды были тяжелее. Они бились так, нападав и уклоняясь, более двух часов, так что Прекрасная Изольда едва не лишилась чувств от горя и печали и говорила так:

— Увы! Зачем должны биться между собою тот, кого я любила и люблю, и тот, кого я не люблю! Но все же мне прегорестно было бы видеть, как падет зарубленный сэр Паломиды, ведь я-то знаю, что когда кончится поединок, сэр Паломиды будет мертв, а он некрещенный, и я бы ни за что не хотела, чтобы он умер сарацином.

И с тем она спустилась со стены и стала просить их, ради нее, прекратить поединок.

— Ах, господя мой, — сказал сэр Тристрам. — Как же так? Разве вы хотите моего позора? Ведь вы же знаете, что я поступлю так, как вы мне велите. — Мой господин, — отвечал Прекрасная Изольда, — вы сами отлично знаете, что я не пожелаю вам бесчестия. Но я хочу, чтобы ради меня вы пощадил этого злосчастного сарацина, сэра Паломиды.

— Госпожа, — сказал сэр Тристрам, — ради вас я прекращаю бой.

Тогда она обратилась к сэру Паломиду и сказала так:

— Вот как я обязую тебя поступить: уезжай прочь из этой страны, и куда я здесь, не возвращайся.

— Госпожа, я подчинюсь вашему повелению, — отвечал сэр Паломиды, — но против воли.

— В таком случае, — сказала Прекрасная Изольда, — поезжай ко двору короля Артура, передай мой поклон королеве Гвиневере, да скажи ей от меня, что в нашей земле лишь четверо любят по-настоящему: сэр Ланселот и дама Гвиневра, и сэр Тристрам и королева Изольда.

КАК СЭР ТРИСТРАМ ПРИВЕЗ ОБРАТНО КОРОЛЕВУ ИЗОЛЬДУ, И О СПОРЕ МЕЖДУ КОРОЛЕМ МАРКОМ И СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И отбыл сэр Паломиды в превеликой печали, а сэр Тристрам взял королеву и привез ее обратно королю Марку. Много было там радости по случаю ее возвращения. А героем всех торжеств кому и быть там, как не сэру Тристраму?

Потом сэр Тристрам распорядился доставить домой из хижины лесника своего рыцаря сэра Ламбегуса, и много прошло времени, прежде чем тот снова стал здоров, но все же под конец он поправился.

Так жили они среди радости и веселья много дней. Но все это время сэр Андрет, близкий родич сэра Тристрама, неотступно следил за сэром Тристрамом и Прекрасной Изольдой, желая его подстеречь и погубить.

И вот однажды, когда сэр Тристрам беседовал с Прекрасной Изольдой, стоя у нее под окном, это заметил сэр Андрет и побежал сказать королю. Король Марк схватил меч свой и бросился на сэра Тристрама. Он назвал его «коварным предателем» и хотел было его зарубить. Но сэр Тристрам стоял слишком близко, он успел подскокнуть к нему, пока он замахиался, и отнять у него из руки меч.

Стад кричать король:

— Где мои люди, где мои рыцари? Повелеваю, убейте этого предателя! Но там не нашлось ни одного, кто хоть бы двинулся по этому его слову. Увидев, что там никого нет, кто был бы против него, сэр Тристрам потряс мечом над головой короля, сделав вид, будто хочет его убить. И тогда король Марк обратился в бегство, сэр же Тристрам погнался за ним, пашмя ударив его раз пять или шесть по шее, так что тот упал носом в землю.

А тогда сэр Тристрам пошел оттуда прочь, облачился в доспехи, сел на коня и уехал вместе со своими людьми и стал жить в лесах. Там в лесу однажды сэр Тристрам бился с двумя братьями, которые были рыцарями при короле Марке, одному из них он отрубила голову, другого ранил смертельно и заставил отвезти в своем шлеме братнину голову к королю. В этом же бою он ранил еще тридцать рыцарей. А тот рыцарь, представ с головой брата перед королем и королевой, тут же и умер у них на глазах, не промолвив ни слова.

Тогда созвал король Марк к себе совет и стал спрашивать у баронов, как ему лучше поступить с сэром Тристрамом.

— Сэр, — сказали бароны, и первый среди них сэр Динас-Сенешаль, — мы даем вам совет послать за сэром Тристрамом, ибо, да будет вам ведомо, многие ваши люди пойдут за сэром Тристрамом, если он будет сильно утеснен.

И еще, сэр, — так говорил сэр Динас-Сенешаль, — не забудьте, что ему, как считают, нет равных и подобных среди рыцарей христианских, и по силе и мощи лишь одного мы знаем столь же доброго рыцаря, и это — сэр Ланселот Озерный. Если он отъедет от нашего двора и пристанет к рыцарям короля Артура, то уж, конечно, он найдет там прием столь дружественный, что весь ваш гнев ему будет ничем. И потому, сэр, мой совет вам — привлекайте его своею милостью.

— Охотно, — сказал король. — Пусть пошлют за ним, чтобы мы снова могли стать друзьями.

Бароны послали за сэром Тристрамом, сами поручившись за его безопасность, и когда сэр Тристрам возвратился к королю, ему был оказан радостный прием, о прежнем никто не поминал, и были устроены там игры и развлечения.

КАК СЭР ЛАМОРАК БИЛСЯ С ТРИДЦАТЬЮ РЫЦАРИМИ, И СЭР ТРИСТРАМ ПО ВОЛЕ КОРОЛЯ МАРКА УБИЛ ЕГО КОНЯ ♣ И вот как-то отправились с сэром Тристрамом король и королева на охоту. Король с королевой разбили шатры и палатки в лесу у реки, и день за днем шла там охота и рыцарские состязания, ибо с ними там были тридцать рыцарей, готовые сразиться со всяким, кто ни подвернется.

И случилось, что приехали туда сэр Ламорак Уэльский и сэр Дриант. Сэр Дриант сражался на конях хорошо, но, под конец, был все же выбит из седла. Вслед за ним вышел на бой сэр Ламорак и так искусно бился с теми тридцатью рыцарями, что ни один из них против него не усадил в седле и многие, падая, разбились престостоко.

— Хотелось бы знать, — сказал король Марк, — кто таков этот рыцарь, что являет столь высокое воинское искусство?

— Сэр, — отвечал Тристам, — я хорошо его знаю, это благороднейший рыцарь, каких немного на свете, имя же его — сэр Ламорак Уэльский.

— Стыдно нам будет, — сказал король, — если он уедет непобежденным.

— Сэр, — отвечал сэр Тристам, — на мой взгляд, благородному рыцарю много чести теперь против него выступить, и вот почему: ведь он уже принял столько бранных трудов, что ни один рыцарь не выдержал бы. И я полагаю, — сказал сэр Тристам, — что позор был бы сейчас его и дальше испытывать, ибо и конь под ним, и сам он уже без сил после всех подвигов, что он свершил сегодня. Ведь если подумать, такое в пору самому сэру Ланселоту Озерному.

— Коан на то пошло, — сказал король Марк, — я повелеваю вам, ради любви вашей ко мне и к супруге моей королеве Изольде Прекрасной, возьмитесь за оружие и померяйтесь силой с сэром Ламорак Уэльским!

— Сэр, — отвечал сэр Тристам, — вы повелеваете мне поступить против рыцарской чести. Мне нетрудно будет, я думаю, выбить его из седла, тут не потребуется особого искусства, ибо конь мой свеж и сам я тоже, не то что он. И он уж, конечно, почтет это за позорное нарушение рыцарского вестева, ибо настоящий рыцарь никогда не воспользуется слабостью другого. Но я не должен вызывать вашего неудовольствия, и потому, как вы мне приказываете, так и поступаю по вашему велению.

И с тем облачился сэр Тристам в доспехи, сел на коня и выехал на поле, и сэр Ламорак встретил его доблестно. И с такой силой шибнулись они, ударили друг в друга копытами, что под сэром Ламорак конь рухнул на землю, а тот как был в седле, так с конем и упал.

Тут он, как мог поспешно, высвободил ноги из стремян, выставил щит перед собой и взялся за меч. И крикнул он сэру Тристраму:

— Слезай с коня, сэр рыцарь, или не смеешь?

— Нет, сэр! — отозвался сэр Тристам. — Я не стану больше сражаться с вами, ибо уже и так сделал довольно для бесчестия себе и для вашей славы.

— Что до этого, — отвечал сэр Ламорак, — то я спасибо тебе не скажу. Раз ты доделал меня верхом, я теперь требую и прошу тебя, если в самом деле ты сэр Тристам Лионский, — слезай с коня и сразись со мной пешим.

— Не бывать этому! — сказал сэр Тристам. — Знайте, что имя мое — и в самом деле сэр Тристам Лионский, вы же, я знаю, — сэр Ламорак Уэльский. Что урона я вам причиню, то все против моей воли, я был обязан подчиниться. Я всегда готов исполнить вашу просьбу, но только не на этот раз, ибо сейчас я с вами больше сражаться не буду, я и так уже себя опозорил.

— Что до позора, — отвечал сэр Ламорак, — то по своей воле ты избираешь позор. Ибо хоть сми кобылы и отказался мне служить, сми королевы к твоим услугам!¹⁴ И если ты и в самом деле такой рыцарь, как люди о тебе говорят, должно тебе спешиться и сразиться со мною!

— Сэр Ламорак, — сказал сэр Тристам, — я понимаю, вы разгневаны и недаром. Ведь сказать по правде, я бы и сам огорчился, видя, как благородный рыцарь, не принимавший участия в бою и сохранивший силы, нападает на другого, уставшего в сражении; ибо не создан такой рыцарь и такой конь, которые не ведали бы усталости. И потому, — сказал сэр Тристам, — я не стану дольше биться с вами, ибо мне и о том противная мысль, что уже сделано мною.

— Что до этого, — сказал сэр Ламорак, — я с вами еще когда-нибудь расквитаюсь, когда будет подходящий случай.

КАК СЭР ЛАМОРАК ПРИСЛАЛ КОРОЛЮ МАРКУ РОГ ИЗ ВРАЖДЫ К СЭРУ ТРИСТРАМУ И КАК СЭР ТРИСТРАМ СПЯТАЛСЯ В ЧАСОВНЕ ♣ И с тем отбыл он оттуда вместе с сэром Дриантом, и по пути встретился им рыцарь, посланный от госпожи Фен Моргань к королю Артуру. Вез этот рыцарь с собою рог, изукрашенный золотом, а у этого рога было такое чудесное свойство, что напиток из него могла только та дама или благородная женщина, которая была верна своему мужу; если же она неверна, то непременно пролетит все питье, а если сохранила верность своему господину, то может пить спокойно. Для

королевы Гвиневеры и в обвинение сэру Ланселоту был послан этот рог королю Артуру. Но сэр Ламорак силой заставил того рыцаря признаться, зачем и куда везет он рог, и тот ему все открыл.

— А теперь выбирай, — сказал сэр Ламорак, — либо ты отвезешь рог королю Марку, либо умрешь. Ты должен свезти его туда, назло сэру Тристраму. И скажешь королю, что я шлю ему этот рог, чтобы он испытал им свою супругу, и если она ему верна, он в том удостоверится.

И рыцарь пустился в путь и, прибыв к королю Марку, отдал ему драгоценный рог и сказал, что его прислал сэр Ламорак, и открыл ему чудесное свойство рога.

И тогда король заставил королеву, а с нею и еще сто дам, напиться из того рога, и лишь четыре марки из всех испили питья, не обмалевшись.

— Увы! — сказала тут королева Марк, — это нам страшные оскорбления. И он поклялся великой клятвой, что и она, и остальные дамы будут сожжены на костре.

Но тут собрались бароны и объявили открыто, что не согласны посылать на костер своих дам из-за какого-то рога, созданного волшебными чарами той, которая сама есть коварнейшая в свете колдунья и волшебница. Ибо от этого рога никакого проку нет, а один только раздор и распри, ведь она всю жизнь свою была врагом всех истинно любящих.

И многие рыцари, кто там были, поклялись, что если встретится им Фев Моргана, то любезного обращения от них не дожидается. Особенно же разгневался сэр Тристрам, что сэр Ламорак затеял прислать рог королю Марку, ибо он-то уж конечно понимал, что это сделано против него, сэра Тристрама, и он задумал покинуться за это сэр Ламорак.

В те времена сэр Тристрам приходил к королеве Изольде днем и ночью, когда только возможно было, а сэр Андрет, его родич, все время подстерегал его ночь за ночью, желая застигнуть его с Прекрасной Изольдой. И вот однажды ночью сэр Андрет подстерег в свой срок и час, когда сэр Тристрам пришел к своей даме. И тогда сэр Андрет привел двенадцать рыцарей и в полночь набросился на сэра Тристрама неожиданно-негадано. И взяли сэра Тристрама нагого в постели с Прекрасной Изольдой, связали по рукам и ногам и стали ждать наступления дня.

А наутро по решению короля Марка и сэра Андрета и иных баронов отвели сэра Тристрама в часовню, что стояла над морем на скалистом берегу, чтобы там над ним исполнили приговор. Повела его связанного, в сопровождении сорока рыцарей, и когда увидела сэр Тристрам, что ничего не остается ему, как умереть, сказал он им так:

— Любезные лорды! Вспомните, что сделала я для Корнуэльской земли, каким опасностям подвергался ради нашего блага. Ведь когда я бился с сэром Мархальтом, добрым рыцарем, за избавление Корнуэлла от дани, а из вас ни один не вылезал на бой — разве такая мне была обещана награда? И потому, если вы действительно благородные рыцари, не дайте мне умереть позорной смертью, ибо это позор будет всему рыцарству, если вы допустите, чтобы и так погиб. Ведь смело могу сказать, — так говорил сэр Тристрам, — сколько бы рыцарей я ни встречал, я ни перед кем не оплошал, а многих и превосходил.

— Позор тебе! — отвечал сэр Андрет. — Со всей своей доблестью, ты — низкий предатель! И сколько бы ты ни выхвалялся, сегодня ты умрешь! — Ах, Андрет, Андрет! — сказала сэр Тристрам. — Ты ведь мой близкий родич, а говоришь со мною как последний враг. А ведь будь мы сейчас одни, только ты да я, ты же не стал бы меня убивать.

— Как же, не стал бы! — отвечал сэр Андрет, и, обнажив меч, хотел было его зарубить.

Но при этом его движении посмотрел сэр Тристрам из стороны в сторону на свои руки, крепко привязанные к двум рыцарям, стоявшим у него по бокам, и вдруг дернул, подтащил их обоих к себе, высвободил из ослабленных пут запястья и, бросившись на родича своего Андрета, вырвал у него меч. Ударил он сэра Андрета, так что рухнул тот наземь, а сам стаа биться с остальными и десятых рыцарей там уложив.

А потом бросился в часовню и стаа там обороняться доблестно, никого туда не подпуская. Поднялся тогда крик и шум, и сбежалось на подмогу сэру Андрету более ста рыцарей. Увидел сэр Тристрам, что столько народу против него собралось, и вспомнил он тут, что он наг, и тогда он запер накрепко дверь часовни, выломал прутья на окне и, выпрыгнув вои, упал прямо на прибрежные камни.

КАК СЭРА ТРИСТРАМА ВЫЗВОЛИЛИ ЕГО ЛЮДИ. И О КОРОЛЕВЕ ИЗОЛЬДЕ, КАК ОНА БЫЛА БРОШЕНА В ХИЖИНУ ПРОКАЖЕННОГО. И КАК СЭР ТРИСТРАМ БЫЛ РАНЕН. * * * * * Туда уж за ним ни сэр Андрет, и никто из его людей добраться не могли, но когда они ушли, Говерналь и сэр Ламберкус, и сэр Сентраль де Люшон, люди сэра Тристрама, стаа искать своего господина неотступно, узнав, что преследователи от него отступились. И на тех камнях они нашли его и подняли его на полотнищах. И лишь только они его вытащили, сэр Тристрам стаа спрашивать, где Прекрасная Изольда.

— Сэр, — отвечали они, — она в лачуге у прокаженных.

— Увы! — сказал сэр Тристрам, — неподобающее это место для столь прекрасной дамы, и если будет моя воля, долго она там не останется. И он взял своих людей, поехал туда, где находилась Прекрасная Изольда, увез ее оттуда в славный, густой лес, где стоял славный лесной дом; и там он с нею поселился. Людям же своим добрый этот рыцарь велел от них уехать, ибо им тогда от него ни в чем не могло быть пользы. И они все уехали, кроме верного Говерналя.

Вот однажды сэр Тристрам гулял в лесной чаще, и случилось ему там прилечь и задремать. И как раз в это время проезжал там один человек, у которого сэр Тристрам когда-то давно убил брата. Увидел этот человек спящего сэра Тристрама и выстрелил в него из лука и пронзил ему стрелой плечо, а сэр Тристрам тогда вскочил и убил этого человека.

А между тем король Марк прознал о том, что сэр Тристрам с Прекрасной Изольдой живут вместе в лесном доме, и он отправился туда со многими рыцарями, чтобы убить сэра Тристрама. Но сэра Тристрама он не застал, а тогда он схватил Прекрасную Изольду, увез ее к себе и содержал так строго, что не могла она отправить ни весточки, ни письма.

Вот возвратился домой сэр Тристрам, видит множество лошадиных следов, стал искать по всему дому, но дамы его нигде нет. Тут погрузился сэр Тристрам в глубокое горе, и в печали и болезни пребывал он долго, ибо стрела, которой он был ранен, оказалась отравленной.

Но тем временем Прекрасная Изольда уговорила одну даму, которая была в близком родстве с дамой Брангвейной, и та отправилась к сэру Тристраму и открыла ему, что ему не излечится без искусной целительницы. — А потому велит тебе госпожа твоя Изольда Прекрасная, чтобы ты отправился, не медля, в Бретань к королю Хоуэлау, а там найдешь ты дочь его, которую зовут Изольда Белорукая, и она тебя исцелит. Вот сел сэр Тристрам и Говернал на корабль и отплыл в Бретань. И когда король Хоуэал признал в нем сэра Тристрама, он ему очень обрадовался.

— Сэр,— сказал сэр Тристрам,— я прибыл в вашу страну, дабы получить исцеление от раны у вашей дочери, ибо мне было сказано, что, кроме нее, никто меня не исцелит.

И она и в самом деле его исцелила.

КАК СЭР ТРИСТРАМ ПОСТУПИЛ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ К КОРОЛЮ БРЕТАНИ ХОУЭЛАУ И УБИЛ ВРАГА ЕГО НА ПОЛЕ БИТВЫ ♣ А был там один граф по имени Агрип¹¹, этот граф пошел войной на короля Хоуэлаа и жестоко его разбил и осадил в его городе. И однажды, когда сэр Кэхидин, сын короля Хоуэлаа, устроил вылазку, его там жестоко изранили, едва что не до смерти. Тогда Говернал пришел к королю и говорит:

— Сэр, мой совет вам — обратитесь к моему господину сэру Тристраму, чтобы он помог вам в беде.
— Я поступаю по вашему совету,— сказал король.

И он отправился к сэру Тристраму и просил у него помощи в войне — ибо сын его сэр Кэхидин не в силах был теперь выехать на бранное поле.
— Сэр,— отвечал ему сэр Тристрам,— я выеду на поле брани и сделаю, что смогу.

И вот выехал сэр Тристрам из городских ворот с небольшой дружиной, какую удалось собрать, и такие свершил он там воинские подвиги, что вся Бретань говорила о нем. Под конец, своей могучей рукою он убил самого графа Агрипа, и более сотни рыцарей уложил он в тот день в бою. После того встретил сэра Тристрама в городе торжественной процессией. Король Хоуэал заключил его в свои объятия и сказал:

— Сэр Тристрам, все мое королевство я готов отдать вам.
— Упаси бог! — отвечал сэр Тристрам.— Ведь за вашу дочь я перед вами еще в гораздо большем долгу.

Вскоре великими стараниями короля и его сына началась между Изольдой

и сэром Тристрамом великая любовь, ибо эта дама была и прекрасна собой, и добра нравом, она была высокого и славного рода. И, осыпанный богатствами и окруженный радующим и всевозможными приятностями, сэр Тристрам почти забыл свою Прекрасную Изольду.

И вот, в недогом времени, сэр Тристрам согласился обвенчаться с Изольдой Белорукой. И они торжественно отпраздновали свою свадьбу. Но когда они лежали на ложе, сэр Тристрам вдруг вспомнил свою прежнюю даму, Изольду Прекрасную, и такая на него тут нашла печаль, что он совсем загрузил и иначе ее не привнети, как только обнял и поцеловал. Иных же плотских утех сэр Тристрам с ней никогда не имел — так говорится во Французской Книге. И еще там говорится, что его жена так и думала, будто в поцелуях и объятиях и есть вся любовь.

Между тем жил в Бретани один рыцарь по имени сэр Супинабль¹², он переехал через море в Ангиано и так прибыл ко двору короля Артура. Там он встретился с сэром Ланселотом Озерным и рассказал ему о женитьбе сэра Тристрама. И сказал тогда сэр Ланселот:

— Позор ему, рыцарю, не сохранившему верность своей даме! Могло ли статься, чтобы столь благородный рыцарь, как сэр Тристрам, оказался неверным своей первой даме и возлюбленной, королеве Корнуэлла! Но вот что передайте ему,— сказал сэр Ланселот.— Я изю всех рыцарей на свете всего более любил его и его подвигам радовался,— из-за доблести его и благородства. Объявите же ему, что любви теперь настал конец, и что я шлю ему предупреждение: отныне я его смертельный враг.

КАК СЭР СУПИНАБЛЬ ПОВЕДАЛ СЭРУ ТРИСТРАМУ О НЕДОБРОЙ СЛАВЕ, КОТОРАЯ ПОШЛА О НЕМ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА, И О СЭРЕ ЛАМОРАКЕ ♣ С тем отбыл сэр Супинабль обратно в Бретань, нашел там сэра Тристрама и рассказал ему, что он был при дворе короля Артура. А сэр Тристрам тогда спросил:

— Не слышали ли вы обо мне каких разговоров?

— Да поможет мне бог,— отвечал сэр Супинабль,— я слышала, как сэр Ланселот вас поносил и позорил, что вы неверны вашей даме. И он велел мне вам передать, что теперь он всегда будет вашим смертельным врагом, где бы он с вами ни встретился.

— Это меня печалит,— сказал сэр Тристрам,— ибо изю всех рыцарей, его дружба мне была всего дороже.

Устыдился сэр Тристрам и горько стало ему, что благородные рыцари позорят его из-за его дамы. А тем временем Изольда Прекрасная составила

письмо королеве Гвиневере, где сетовала на неверность сэра Тристрама, за то что он женился на дочери короля Бретани. А королева Гвиневра отправила ей в ответ другое письмо и наказывала ей утешиться, ибо после горя будет ей радость: ведь сэр Тристрам — столь прекрасный и прославленный рыцарь, что таких дамы чарами и волшебством заставляют на себе жениться. «Но в конце концов будет так, — писала королева Гвиневра, — что он ее возненавидит, вас же полюбит еще больше, чем любил». Теперь оставляем мы сэра Тристрама в Бретани и поведем речь о сэре Ламораке Уэльском, который пал на море, и корабль его налетел на скалы, и все, кто там был, погибли, кроме сэра Ламорака и его оруженосца: сэр Ламорак палл без устали, пока рыбак с острова Серваж¹³ его не подобрал, оруженосец же его утонул. Но том рыбакам немало пришлось положить стараний, чтобы выводить сэра Ламорака и спасти его от смерти. А владельцем того острова был сэр Навон Черный, могучий великан, и этот сэр Навон ненавидел люто всех рыцарей короля Артура, не давая им ни проходу, ни проезда. Рыбаки рассказывали сэру Ламораку, каков этот сэр Навон и как ни один Артуров рыцарь от него еще живой не ушел. В последний раз бился он с сэром Навоном Малорослым, и когда одолел его, то из ненависти к королю Артуру обрек его позорной смерти — разордал его тело на части.

— Мне горестно слышать, — сказал сэр Ламорак, — про смерть этого рыцаря, ибо он приходился мне родичем. И будь я сейчас в силе, я бы отомстил за его гибель.

— Тшш! — сказали рыбаки. — Не говорите больше ни слова. Ибо прежде чем вы отсюда уедете, сэр Навон должен быть оповещен о том, что вы здесь, а иначе из-за вас нам не сносить головы.

— Только бы мне поправиться от болезни, — отвечал сэр Ламорак, — что подхватил я в море, а тогда ступайте и скажите ему, что я рыцарь короля Артура, ибо еще ни под каким страхом я не отрекался от моего господина.

КАК СЭР ТРИСТРАМ И ЕГО ЖЕНА ПРИЕХАЛИ В УЭЛЬС И КАК ОН ТАМ ВСТРЕТИЛСЯ С СЭРОМ ЛАМОРАКОМ

А теперь мы обратимся к сэру Тристраму, который в один прекрасный день сел в легкую барку с женой своею, Изольдой Белорукой, и саром Кэжидном, ее братом, и поехал покататься вдоль берега. Но когда они отплыли немного, поднялся ветер и огнес их к побережью Уэльса, к самому острову Серважу, где находился сэр Ламорак.

Здесь разбилась о скалы их барка, и дама Изольда пострадала при крушении, и они, как смогли, осторожно отнесли ее в лес. Там у ручья повстречал сэр Тристрам сэра Сегварда с девицею, и они приветствовали один другого.

— Сэр, — молвил сэр Сегвард, — я узнал вас, вы — сэр Тристрам Ли-

онский, человек, кого более всех на свете есть у меня причины ненавидеть, ибо вы разбили любовь между мной и моею женою. Однако я, — сказал сэр Сегвард, — не из тех, кто может возненавидеть благородного рыцаря из-за легкомыслия женщины¹⁴, и потому я прошу вас, будьте моим другом, а я буду вашим другом по мере сил. Ибо знаете, вам грозят жестокие опасности в этой долине, и нам обоим придется немало поработать копьем в помощь друг другу.

И с тем отвел сэр Сегвард сэра Тристрама к одной женщине там неподалеку, которая была родом из Корнуэлла, и она поведала ему о всех опасностях той долины и что какой рыцарь туда ни попадет, всякого ждет смерть или заточение.

— Да будет вам ведомо, любезная дама, — сказал Тристрам, — я убил сэра Маршалта и избавил Корнуэлла от тяжелых поборов. Я тот самый рыцарь, кто спас короля Ирландии от сэра Бламура Ганского, и я же победил сэра Паломнда, ибо знаете, что я — сэр Тристрам Лионский, который, по милости божией, еще освободит этот горемучимый остров Серваж.

И расположился там сэр Тристрам на отдых. А вскоре ему рассказали, что на острове находится рыцарь короля Артура, потерпевший кораблекрушение на скалах.

— Как его имя? — спросил сэр Тристрам.

— Мы не знаем, — отвечал рыбак, — но он не делает секрета из того, что он рыцарь короля Артура, и могучего владыку нашего острова ставит ни во что.

— Прошу вас, — сказал сэр Тристрам, — если возможно, приведите его сюда, дабы я мог с ним увидеться. И если он вправду один из благородных Артуровых рыцарей, я его узнаю.

Добрая женщина велела рыбакам пригласить его в ее дом. И вот наутро они привели его в рыбацкой одежде, но сэр Тристрам узнал его с первого взгляда и встретил его с улыбкой. Но он сэра Тристрама не узнал.

— Любезный сэр, — сказал сэр Тристрам, — по виду вашему и взгляду мне кажется, что вы недавно были тяжело больны, а также кажется мне, что на верное я вас уже где-то видел.

— Охотно допускаю, — отвечал сэр Ламорак, — что вы меня уже встречали, ибо со мной встречались и вели поединки благороднейшие из рыцарей Круглого Стола.

— Любезный сэр, — сказал сэр Тристрам, — откройте мне ваше имя.

— Сэр, я сделаю это на одном условии: вы должны мне сказать, не вы ли — владыка этого острова, носящий имя сэра Навон Черный?

— Нет, это не я, и я не леник его, но враг его смертельный, как и вы, и это я докажу, прежде чем покину сей остров!

— Ну, что ж, — сказал сэр Ламорак, — раз вы так, без утайки, ответили на мой вопрос, и скажу вам, что я — сэр Ламорак Уэльский, сын короля Пеллинора.

— Воистину так оно и есть, — молвил сэр Тристрам. — И если бы вы сказали иначе, я все равно бы знал правду.

— Кто же вы, — спросил сэр Ламорак, — так хорошо знающий меня?

— Правду сказать, сэр, я — сэр Тристрам Лионский.

— А, сэр! А помните ли вы, как однажды выбили меня из седла, а потом отказались спешиться и биться со мною на мечах?

— Сэр, причиной тому был не страх мой перед вами. Но мне было стыдно тогда продолжать с вами бой, ибо я знал, что вы уже и так довольно потрудились на поле брани. Но знайте, сэр, в уплату за мою доброту вы причинили зло многим дамам, послава рога Феи Морганн королю Марку. Он предназначался королю Артуру, вы же обратили его во зло мне.

— Ну и что ж,— отвечал тот,— и я снова бы так поступил, ибо я предпочтительно, чтобы раздоры и распри обрушились на двор короля Марка, чем на двор короля Артура, ибо честь этих двух дворов не равноведна. — Что до этого,— сказал сэр Трнстрaм,— то я с вами согласен. Но вам руководило желание причинить зло мне. Однако, благодарение господа, ваша злая воля большого ущерба никому не принесла. А потому,— так сказал сэр Трнстрaм,— не пытайте ко мне больше вражды, и я тоже не буду вам врагом, и давайте вместе попытаем удачи, чтобы нам с вами вдвоем войти с честью из сражения с этим великаном сэрoм Навоном Черным, владыкой здешнего острова, и его уничтожить.

— Сэр,— молвил сэр Лaмoрaк,— теперь я оценил все ваше благородство. Не лгут же люди, когда говорят, что в вежестве, благородстве и доблести вам нет среди рыцарей равного. А я за всю вашу любезность и доброту отплатил вам злом, и в этом теперь раскаиваюсь.

КАК СЭР ТРИСТРАМ СРАЖАЛСЯ С СЭРОМ НАВОНОМ И ОДОЛЕА ЕГО И ПОСТАВИЛ СЭРА ЛАМОРАКА ГОСПОДИНОМ ОСТРОВА Тем временем пришло известие, что сэр Навон приказал огласить по острову, чтобы весь народ собрался у него в замке через четыре дня на пятый, ибо в тот день сын Навона будет возведен в рыцари, и все рыцари долины и округи должны туда явиться и выступить на турнире, на котором все, кто родом из королевства Логрис¹⁵, будут биться против жителей Северного Уэльса.

И прибыли туда издалека пять сотен рыцарей. А местные рыцари захватили с собой сэра Лaмoрaка, и сэра Трнстрaма, и сэра Кахидина, ибо иначе они не осмеливались выступить. И Навон по просьбе сэра Лaмoрaка ссудил его конем и доспехами, и сэр Лaмoрaк так отличился там на турнирном поле, что и сэр Навон, и весь народ сказали, что никогда еще не случалось им видеть, чтобы рыцарь являл такие чудеса доблести. Ибо, как рассказывается во Французской Книге, он одолел чуть не всех из тех пятисот рыцарей, и ни один его противник не удержался в седле.

Тогда и сам рыцарь Навон предложил сэру Лaмoрaку поостязаться с ним в рыцарских забавах, ибо, сказал он, никогда еще он не видел, чтобы рыцарь за один день столько успел.

— Охотно,— сказал сэр Лaмoрaк.— Я как могу позабавлюсь с вами, но только я уже выбился из сил и получил много ударов.

С тем схватились они оба за копы, но сэр Навон не стал мериться силами с сэром Лaмoрaком, а поразил в голову его коня и тот рухнул замертво. Тогда сэр Лaмoрaк вышел против него пеш, перетянул наперед щит, обнажил меч, и начался тут отчаянный пеший бой. Но сэр Лaмoрaк уже сильно устал и задыхался, и стаа он шаг за шагом уклоняться и отступать.

— Ну, друг,— говорит сэр Навон,— попридержи свой меч. Я окажу тебе сейчас милость, какой никогда еще не оказывал рыцарям, ибо я видел сегодня твою благородную рыцарскую доблесть. А потому, отступи в сторону, а я узною, не вызовется ли кто из твоих товарищей сразиться со мною.

Услышал это сэр Трнстрaм и говорит:

— Сэр Навон, ссудите меня конем и крепкими доспехами, и я приму ваш вызов.

— Добро, друг,— отвечал сэр Навон.— Ступай вон к тому шатру, облачись там в лучшие, какие найдешь, доспехи, и я тогда позабавлюсь с тобою предвидной игрой.

А сэр Трнстрaм говорит:

— Смотрите только, не посрамитесь в игре, а не то как бы еще я не научил вас новым забавам.

— Хорошо сказано,— отозвался сэр Навон.

И вот, когда сэр Трнстрaм облачился в лучшие, какие выбрал, доспехи, с добрым щитом и мечом, он изготовился к пешему бою:

— Ибо вижу я, что сэр Навон не терпит копейных ударов, и всякий раз спешит убить под рыцарем коня.

— Ну, друг,— говорит сэр Навон,— давай-ка позабавимся! Долго рубились они в пешем бою, наступая, уклоняясь, разя смачу ребром и колы острием, и все без передышки. Но вот, наконец, спрашивает у него сэр Навон, как же его имя.

— Сэр,— он отвечает,— мое имя — сэр Трнстрaм Анонский, я рыцарь из Корнуэлла, что под королем Марком.

— А! Милости просим! — сказал сэр Навон.— Ведь изю всех рыцарей я всего более желал сразиться с тобою, да еще с сэром Ланселотом. И снова они ринулись яростно друг на друга, но, в конце концов, сэр Трнстрaм все же зарубил сэра Навона. А тогда подскочил он сразу же к его сыну и отсек и ему голову долой.

Тут объявились все жители острова, что теперь желают держать свои владения в долине Серваж от сэра Трнстрaма.

— Нет, этому не бывать,— отвечал сэр Трнстрaм,— ибо вот здесь находится славный рыцарь сэр Лaмoрaк, пусть он вместо меня будет владеть этим островом, ведь он свершил сегодня великие бранные подвиги.

— Нет, и этому не бывать,— сказал сэр Лaмoрaк.— Я не согласен быть владыкой этой страны, ибо я не заслужил этого так, как вы. А потому передайте ее кому хотите, я же ее не возьму.

— Ну, что ж,— сказала сэр Трнстрaм,— раз ни вы, ни я ее не берем, отдадим тогда ее тому, кто меньше этого заслуживает.

— Сэр, поступайте как знаете, ибо дарить — ваше право, а я бы ее не взял, даже если бы заслуживал.

И вот, с общего согласия, отдали остров сэру Сегвариду. Он их поблагодарил; и так стал сэр Сегварид владеть тем островом и править там с честью. Он освободил всех узников и установил в долине добрые порядки. А потом он возвратился в Корнуэлла и рассказал королю Марку и Прекрасной Изольде о том, как сэр Тристрам поставил его владеть островом Серваж. И он разгласил по всему Корнуэлла о подвигах этих двух рыцарей, так что стало это известно повсюду. Но велико было горе Изольды Прекрасной, когда она услышала, что с сэром Тристрамом была там Изольда Бело-рукая.

КАК СЭР ЛАМОРАК РАССТАЛСЯ С СЭРОМ ТРИСТРАМОМ И ПОВСТРЕЧАЛСЯ С СЭРОМ ФРОЛЛОМ, А ПОТОМ С СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ. А теперь обратимся мы к сэру Ламораку, который держал путь ко двору короля Артура.

Сэр Тристрам, и его жена, и сэр Кэхидин сели на корабль и уплыли назад в Бретань, к королю Хуэллау, где их встретили с превеликой радостью. И когда там услышали об их приключениях, все восхитились его благородством и доблести.

А сэр Ламорак, расставшись с сэром Тристрамом, поехал по лесу и вышел прямо к отшельничьей обители. Увидел его отшельник и спрашивает, откуда он к нему прибыл.

— Сэр, я приехал вон из той долины.

— Дивно мне это слышать, — сказала отшельник, — ибо за последние двадцать лет не случилось такого, чтобы рыцарь, попавший в здешние края, не был убит, свирепо изранен или же обращен в бедного пленника.

— Сэр, с этими злыми обычаями покончено навсегда, — отвечал сэр Ламорак, — ибо сэр Тристрам убил вашего владыку сэра Навона и его сына. Отшельник обрадовался, и все его братья тоже, ибо, по его словам, другого такого тирана никогда не было среди христиан.

— Стало быть, — сказал отшельник, — эта богатая долина станет теперь держанием от сэра Тристрама.

Наутро сэр Ламорак с ним простился и поспешил дорогой. Вот едет он и по пути видит, как один рыцарь бьется против четверых. Одинокий рыцарь защищался доблестно, но под конец они все же выбили его из седла. Тогда сэр Ламорак встал между ним и ими и спросил, зачем хотят они убить этого одинокого рыцаря, ибо это позорно, когда четверо нападают на одного.

— Так знай же, — отвечали они, — что он — предатель.

— Это вы так говорите, — сказал сэр Ламорак. — А вот когда я выслушаю его, тогда увидим, скажу ли и я то же, что и вы. Сэр, — молвил сэр

Ламорак, — что ответите вы на это? Неужели не оправдаетесь и не докажете, что обвинены ложно?

— Сэр, я могу оправдаться и словом и делом, и я готов доказать мою правоту сильнейшему из них в честном бою один на один.

Тут они заговорили разом все четверо:

— Мы не станем подвергать себя смертельной опасности. Но знайте, заступясь за него сейчас даже сам король Артур, не в его власти было бы спасти ему жизнь.

— Ну, это уж вы слишком расхвастались, — сказал сэр Ламорак. — Много есть таких, кто говорит за спиной о человека больше, чем осмелится сказать ему в лицо. Я же в ответ на эти ваши слова объявляю вам, что я — из самых простых рыцарей Артурова двора, и во славу моего господина лучше держитесь: я, вам всем на страх, сейчас этого рыцаря отобью!

Тут они все вчетвером набросились на сэра Ламорака, но он двумя ударами уложил двоих, и тогда остальные двое бежали. Сэр же Ламорак обратился к тому рыцарю, помог ему встать, подсадил на коня и спрашивает, как его имя.

— Сэр, мое имя — сэр Фролл с Внешних Островов.

И он поехал вместе с сэром Ламораком и сопровождал его дальше в пути. Вот едут они и видят: скачет им навстречу статный рыцарь весь в белом.

— А! — воскликнул сэр Фролл, — с этим рыцарем у меня недавно был поединок, и он выбил меня из седла, поэтому я сейчас с ним сражусь.

— Нет, вы с ним не сразитесь, — сказал сэр Ламорак, — если послушаете моего совета. Сначала расскажите мне, в чем ваша ссора и кто кого вызвал на бой: он вас или вы его?

— Конечно, — отвечал сэр Фролл, — это я его вызвал.

— Сэр, тогда мой вам совет, оставьте его и больше его не задевайте, ибо, судя по виду, он — рыцарь доблестный и шутить не станет. Сдается мне, что он из рыцарей Круглого Стола.

— Ну, и что ж! Я ему все равно спуску не дам! — отвечал сэр Фролл. И он окликнул рыцаря и сказал:

— Сэр рыцарь! Готовьтесь к поединку!

— В том нет нужды, — отвечал белый рыцарь, — ибо я не расположен ни к шутливым речам, ни к копеейним забавам.

Наставили они копыя, и белый рыцарь опрокинул сэра Фролла на землю, а сам поспежал не спеша своей дорогой. Поехал вслед за ним сэр Ламорак, нагнал его и спрашивает, как его имя.

— Ибо сдается мне, вы из дружины рыцарей Круглого Стола.

— Сэр, я отвечу вам, но на том условии, что вы никому не скажете моего имени, и, кроме того, назовете мне свое.

— Сэр, мое имя — сэр Ламорак Уэльский.

— А мое имя — сэр Ланселот Озерный.

Тут они обрадовались оба, отложили мечи и сердечно поцеловались.

— Сэр, — сказал сэр Ламорак, — с вашего позволения, и готов служить вам.

— Уваси бог, сэр, чтобы столь высокогородный рыцарь служил мне, — сказал сэр Ланселот и добавил: — я выехал на подвиг, который должен свершить в одиночку.

— Тогда да пошлет вам господь удачу! — сказал сэр Ламорак.

И с тем они расстались. Сэр Ламорак возвратился к сэру Фролла и опять посадил его на коня.

— Сэр, кто таков тот рыцарь? — спрашивает сэр Фролл.

— Сэр, вам этого не узнать, да и не ваше это дело.

— Вы весьма нелюбезны, — сказал сэр Фролл, — и потому я дружба с вами расторгалю.

— Поступайте как вам угодно, хотя благодаря мне вы сберегли прекраснейший цветок в вашем венце.

И с тем они разошлись.

КАК СЭР ЛАМОРАК УБИЛ СЭРА ФРОЛЛА, И О РЫЦАРСТВЕННОМ ПОЕДИНКЕ С СЭРОМ БЕЛИАНСОМ, ЕГО БРАТОМ

А дня через два или три подъехал сэр Ламорак к ручью и увидел там спящего рыцаря, да же его сидела рядом и бодствовала. Но в это самое время скакал той дорогой сэр Гавейн, он схватил даму, посадил ее на коня позади своего оруженосца и поехал дальше.

Тот рыцарь пустился за ним в погоню и его оклинает:

— Эй, рыцарь, поворачивай коня!

— Что вам от меня надобно? — спрашивает сэр Гавейн. — Я племянник короля Артура.

— Сэр, за это я готов отпустить вас подобру-

поздорову, только пусть эта дама останется со мной.

Но сэр Гавейн повернул коня и поскакал с копьём наперевес против защитника дамы. Однако тот рыцарь мощным ударом выбил его из седла и даму снова забрал себе.

Все это видел сэр Ламорак, и он сказал себе так:

— Если я не отомщу за своего товарища, он опозорит меня при дворе короля Артура. — И сэр Ламорак предложила тому рыцарю поединок.

— Сэр, я готов, — отвечал тот.

Вот сшиблись они со всей мощью, и сэр Ламорак пронзил его копьем с левого бока до правого, так что тот упал мертвым.

Тогда дама поехала к брату своего рыцаря, носившему имя сэр Беланс Надменный, что жил оттуда неподалеку. Она поведала ему о гибели его брата.

— Увы! — молвила он, — я отомщу!

И он облачился в доспехи, сел на коня и в недалгом времени нагнал сэра Ламорака. Он крикнул ему:

— Оборотись, сэр рыцарь, и забудь и думать про эту даму, ибо тебе со мною предстоит еще новые забавы: будем биться с тобою не на жизнь,

а на смерть, ибо ты убил моего брата сэра Фролла, доброго рыцаря, каким тебе никогда не быть!

— Сказать-то всякое можно, — отвечал сэр Ламорак, — но сегодня в честном поединке я выказал себя лучшим рыцарем, нежели он.

И вот ринулись они друг на друга, сшибались и оба ружуали наземь, и тогда перетянули они наперед щиты, обнажили мечи, и два часа длился у них богатырский могучий бой. Под конец спрашивает сэр Беланс, как его имя.

— Сэр, мое имя — сэр Ламорак Уэльский.

— Ах, — сказал сэр Беланс, — ты и есть тот самый человек, кого я пуше всех ненавижу, ибо, спасая твою жизнь, я погубил моих сыновей, а теперь ты еще убил моего брата сэра Фролла. Увы! Разве могу я примириться с тобой? Так защищайся же! Сегодня ты умрешь, тут уж ничего ни поделаешь, ни поправить нельзя.

— Увы! — молвила сэр Ламорак, — я должен был бы признать вас, ведь вы — тот самый человек, кто сделал мне добра больше всех на свете.

И с тем опустился сэр Ламорак на колени и стал просить у него прощения.

— Встанай! — отвечал сэр Беланс, — не то я зарублю тебя на этом самом месте коленапроклоненного!

— В том нет нужды, — сказал сэр Ламорак, — ведь я сдаюсь вам, и не от страха перед вами и вашей мощью, а из-за доброты вашей, которая не позволяет мне с вами сражаться. Поэтому прошу вас, во имя господа и рыцарской чести, простите мне все, чем я вас обидел!

— Увы! — воскликнул сэр Беланс. — Подымись с колена, а иначе я зарублю тебя безо всякой пощады!

И снова завязалась меж ними бой, они наносили один другому раны, так что вся земля была окровавлена, где они рубились. Но вот наконец сэр Беланс отступил назад и тихонько присел на пригорю, ибо был он совсем обескровлен и обессилен и не мог уже больше стоять на ногах.

Тут закинул сэр Ламорак свой щит за спину, подошел к нему и спрашивает:

— Ну, как дела?

— Хорошо, — отвечает сэр Беланс.

— Так-то, сэр, и все же я окажу вам милосердие в ваш трудный час.

— Ах, рыцарь, — говорит сэр Беланс сэру Ламораку, — ты просто глупец. Будь ты у меня в руках, как я сейчас в руках у тебя, я бы тебя убил. Но благодарю твою и доброту столь велики, что мне ничего не остается, как только забыть все то зло, какое я на тебя держал.

И сэр Ламорак опустился перед ним на колени, отстегнул прежде его забрало, а потом свое, и они поцеловались, плача обильными слезами. После того сэр Ламорак отвел сэра Беланса в монашескую обитель, что была там близости, и не покинул его, пока он совсем не поправился.

И они поклялись, что никогда больше не станут биться друг против друга.

После этого сэр Ламорак отправился в путь и прибыл ко двору короля Артура.

Здесь кончается повесть о сэре Ламораке и сэре Тристреме и начинается повесть о славном рыцаре по прозванию сэр Лакот Мальтезе-Худая Одежка.